

Алексей Александрович Олейников
Сон Видящей
Серия «Дженни Далфин и Скрытые Земли», книга 6

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9543222
Олейников, Алексей Александрович. Сон Видящей : роман: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79246-7

Аннотация

Законы реальности просто так не нарушишь. Везение будет выкуплено неудачами, нечеловеческие сила и ловкость – временной слабостью. Только Дженни Далфин не платила ни разу: словно сказочная фея, она использует волшебство без последствий. Мир слышит ее мысли и охотно исполняет желания. Вот девушка и творит чудеса одно за другим, а веселый цирковой фестиваль кажется лучшим местом для этого. Здесь встают полосатые шатры и веют разноцветные флаги, зрители ждут начала праздника. Надежно скрытые от чужих глаз светлым сном, съезжаются на Большой Собор члены тайного братства Магус. Между тем колдун Фреймус приступает к решающей стадии своего плана. Он готовится погрузить в хаос всю планету, и горстке циркачей его не остановить... Именно сейчас Дженни предстоит узнать, какую плату потребует мир от Видящей.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	27
Глава восьмая	29
Глава девятая	31
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Олейников

Сон Видящей

© Олейников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая

Далеко на севере, у края холодного моря, меж старых гор лежит небольшая долина. Она поросла редким лесом: кривыми березками, цепким кедром-сланцем, усталыми черными елями – едва ли выше человеческого роста. Здесь царят мох, камень и вода. И лишь порой глаз встречает островки высоких золотых сосен, которые стоят над лесом, как богатыри над войском.

Среди такого бора притаилась ветхая черная избушка – выбрел бы к ней турист, ахнул бы: угнездилась она не на земле, не на розовато-серых валунах, а на белом от времени стволе – шире самой избушки. Нет в здешних краях деревьев такого размера, такой мощи.

Ползет вверх лестница-приступка, доска с набитыми ступеньками. Блестит на солнце оконце – пыльное, задымленное до невозможности.

Не увидеть этой избушки ничьим глазом – ни человеческим, ни Магусовым, ни колдовским, ни звериным. И долины той нет на картах, и даже спутники не замечают этого места.

Здесь живет Элва Андерсен, старая саамка-нойда, бабушка Арвета Андерсона. Из дымохода вьется легкий пар. Черный от копоти жестяной котел стоит на раскаленных камнях, варево исходит ленивыми пузырями. Элва бродит по избушке, берет с полка горшки, с прищепыванием бросает в котел горсти порошка, коренья, твердыми темными пальцами крошит сушеный лист.

Сладкий приторный и чуть горчащий дым слоями течет по избушке, пока не находит дымоход.

Вот Элва вынула из глубин своей пестрой накидки рыбью кость – белую иглу, подцепила белый завиток дыма, потянула, прошила воздух. Затем потянула следующую дымную нить, и еще, и еще одну, пока перед ней не выткалась картина белого дыма.

Она всматривалась в нее, стирала завитки, меняла узор дыма, пока не развеяла его взмахом.

– Как такое может быть? Нить твоей жизни исчезает и появляется снова, как она может быть и в прошлом, и в будущем? Во что ты вляпался, Арвет?

Неспокойна Дорога Снов, будто движется что-то в самых ее основах, и дрожь пробегает от бездн Тартара до верхних миров, где живут безмятежные духи звезд и планет, которым нет дела до смертных и бессмертных, – но даже их тревожат предчувствия грядущей катастрофы.

Элва сгребла в щепоть косточки, корешки, высушенные соцветия, сбросила в огонь и окунулась в клуб разноцветного дыма, будто диковинную корону воздела на седую голову. Не разобрать, где кончаются волосы и начинается дым, течет он во все стороны света, завивается под пальцами, струится, как летопись на неведомом языке, бесконечной строкой, бегущей из-под пера незримого летописца.

– Ты ли это, Ведун Аким? – хрипло пробормотала Элва – пальцы пробежались по нитям дыма, вытянули одну, почти белую. – Слышал ли ты о таком прежде?

Дрожат нити, ежесекундно меняя свой рисунок, но Элве не впервой играть на этих зыбких струнах, она слышит их беззвучную мелодию, она умеет читать следы дыма.

– Тот, кто спит, проснется, тот, кто бодрствует, уснет. О чем ты говоришь?

Аким отвечает, лицо Элвы меняется – так тень от облака набегающая на воды озера.

Она садится, разом постарев – как будто все года, которые она прожила, вернулись и пронесли ураганом по долине ее лица, углубляя морщины, выветривая кожу, унося всякий цвет жизни.

– Такова его судьба? – прошептала она. – Арвет, мальчик мой, разве для таких подвигов ты родился? Лучше бы тебе никогда не встречать этой девчонки, лучше бы тебе служить своему далекому богу и жить своей жизнью.

* * *

Было ясное утро, когда в сонный городок Орсдален вошел молодой человек. Из-под распахнутой зимней куртки проглядывал горный свитер с высоким горлом. Он шел без шапки, ветер с ледника толкал его в спину, ерошил светлые волосы, но юноша не обращал внимания. На боку его качалась старинная сумка – кожаная, с окислившимися медно-зелеными застежками. Мода на подобные дорожные принадлежности прошла вместе с девятнадцатым веком, когда эту сумку сшили. Он прошел по тихим улицам города, мимо аккуратных, выкрашенных красной, желтой, синей краской домов с белыми окнами. За белыми оградами палисадников из черной влажной земли пробивались крокусы. Они сияли в сумерках как звезды.

«Фьорд, от моря тепло, – подумал юноша. – Уже цветут».

Он перегнулся через ограду, сорвал цветок, вдохнул легкий, почти неуловимый запах. Как давно он не слышал ничего, кроме запаха льда!

Ветер нетерпеливо толкнул в спину, юноша повел широкими плечами, двинулся дальше, уронив заиндевевшие лепестки на асфальт.

Автостанция встретила его белыми огнями и закрытым окошком кассы. Юноша сверился с расписанием – ближайший автобус на Берген в восемь утра – и уселся на металлическую скамейку. Лампа мигала над головой, он сидел неподвижно, как камень, смотрел на зубчатую линию гор, которая все больше отделялась от светящегося неба.

Синей громадой, продавив ложбину в каменных спинах гор, тек в долину язык ледника.

С закрытыми глазами юноша мог пройти по нему. Он знал все трещины и скрытые разломы, чувял изгибы и напряжения льда, потрескивающие в лазурной толще, и этот треск до сих пор звенел в ушах. Километры льда и снега – ослепительные под солнцем и полные темного серебра под луной, были его королевством. Он спускался к корням льда по блистающим внутренним светом туннелям и переходам, бездны, полные тягучей ледяной влаги, распахивались у ног, но он легко перескакивал их. Неуловимые человеческим глазом чаклинги мчались впереди, и он легко различал их своим перерожденным зрением.

Он изменился. Рана, оставленная в сердце черным демоном, затянулась. Зияющую пустоту заняли солнце и лед. Он впитал силу этих мест, он вырос, ледники Йотунхемена стали его домом, потому что он уже почти не вспоминал о прежней жизни. Мама, папа, бабушка Кристин – это было далеко, это было сном о прежней жизни в теплых долинах, этому сну не было места в ледяных чертогах Сморстаббрина.

Он не хотел уходить, не хотел снова меняться, потому что это всегда больно.

Он хотел вечно сидеть на пороге дома ледяного дракона и смотреть, как солнце и луна сменяют друг друга на небе в вековечном танце. Но Смор сказал, и он отправился в путь.

К восьми часам совсем посветлело, появились пассажиры: пришел старик с тростью, высокий, со строгим лицом, в бейсболке, сел и застыл как изваяние, он жил так долго, что тоже научился у гор ждать. Прибежала девчонка – черноволосая, с ярко-желтыми наушниками на полголовы. Она бросила на него быстрый взгляд, юноша ощутил его как любопытное касание, и отвернулась, встала у столба, пританцовывая. Черные волосы, темные глаза – она совсем не была похожа на светловолосую девушку, перевернувшую его жизнь, но по какому-то загадочному сродству образов ее напонила.

«Вы, люди, способны находить победы в поражениях и силы в бессилии, вы все время другие, как реки, которые текут и все время меняются, – сказал Смор на прощание. – Но

иногда даже реке нужна помощь, чтобы добраться до моря. Помогите ей и напомните об обещании. Она должна выбрать справедливо».

Подошел автобус, юноша зашел последним, расплатился с водителем – тот только удивленно покачал головой, принимая изорванную бумажку:

– Парень, ты ее грыз, что ли?

Юноша слабо улыбнулся, сел в середине. Не он. Альпинисты не удержали сани с поклажей, трещина поглотила их, лед и камни разодрали рюкзак, вода протащила груз под брюхом ледника. Все, что оставалось во льдах, принадлежало Смору, и чаклинги каждый год пополняли его запасы. Чего там только не было! И копыта первых людей с грубыми наколочниками из кремня, и сверхсовременные ледорубы с алмазной кромкой и нанопокрывом. Только погибших дракон не забирал себе – оставлял родным и близким.

До Орсдалена он доехал на снегоходе, потерянном еще одной экспедицией.

Двери с шипением захлопнулись, автобус поплыл по улочкам, вырулил на шоссе и двинулся по дороге, петляющей по краю фьорда. За окном стояли горы, от красоты которых щемило сердце. Водитель включил кондиционер, по салону потек теплый воздух.

Юноша запустил руку в старинную сумку, коснулся ледяного свертка и облегченно вздохнул.

Бьорн Эгиль ехал на запад, в портовый город Берген.

* * *

– Около двадцати автоклавов безвозвратно потеряно, пятнадцать самоходных установок выведено из строя, десять из них ремонту не подлежат... – голос был гнусавый и противный, надо сказать.

– Достаточно, – оборвал Альберт Фреймус. Размял длинные пальцы до сухого хруста. – Что произошло на седьмом уровне?

Гарри Торнфельд чихнул и сунул нос в измятый носовой платок.

– Простите, сэр, проклятая влажность... Я просидел среди этого железа десять часов, пока парни из спаскоманды не подоспели.

– Мистер Торнфельд, меня не интересуют ваши злоключения, – сказал глава ковена. – Что меня занимает, так это тот факт, что вы и все ваши подчиненные в целости, а вот мое оборудование и результаты работы археологической команды сильно пострадали.

Гарри Торнфельд шмыгнул носом и благоразумно промолчал.

«Тебя бы сюда, когда здесь эта троица резвилась, – подумал он. – Они големов как орехи щелкали. Да что там големы! Твои чертовы куклы и те не справились».

– Весь список пострадавшего имущества запротоколирован, – заметил Кристофер Пайл, глава научной команды. – Ужасное преступление, просто чудовищное. Наши исследования под угрозой срыва, мистер Фреймус.

Бледный, полный, прозрачный, как студень. Белые волосы, белесые брови, мутные голубоватые глаза, рубашка, вечно расстегнутая на выпирающем животе, – Кристофер Пайл был похож на личинку майского жука, которую случайно выкопали из земли. С самого начала раскопок он не вылезал с седьмого уровня, только и бормотал, что об археологической сенсации, о том, как в Оксфорде горько пожалеют, что не дали ему кафедру, когда он опубликуется в журнале Nature.

Даже странно, что Пайл был из *них*, из того же высокомерного племени, что и Фреймус. Торнфельд давно приучился вылавливать их бледные физиономии. Они были как англичане среди англичан – не белая, а прямо прозрачная кость, невидимая, но очень ощутимая аристократия. Даже те из темников, кто старался жить просто и незаметно (хотя таких было мень-

шинство), выделялись среди обычных людей, как пугала среди кукурузного поля. Опытный глаз легко их различал.

Элита темников предпочитала конвертировать свой статус, власть и богатство в признаваемые человеческим обществом формы: их знатные фамилии давно приобрели титулы. Истории их семейных банков и фирм, как спилы вековых дубов, насчитывали сотни годовых колец. Англия, как никакая другая страна, подходила для такого подводного, скрытого от чужих глаз образа жизни – здесь за каждым признавалось право на эксцентричность. Общество уважает личные границы джентльмена, если джентльмен уважает законы общества. А темники умели обстряпывать свои дела без лишних свидетелей, ночь была их плащом, тайна – их вторым именем. Куда там масонам, иллюминатам и прочим тайным орденам обычных людей – власть темников была незыблема, правительства сменялись, революции свергали монархов, но темники выплывали из любых исторических катаклизмов обновленными. Сильнее, чем прежде.

Иной раз Торнфельду казалось, что *эти* вообще построили страну под себя – выбрали остров и столетие за столетием формировали общество по своему вкусу. Гарри, любивший на досуге полистать мемуары ветеранов плаща и кинжала, воспоминания дипломатов и министров и, чистого развлечения ради, разного рода конспирологическую литературу, вроде измышлений о заговоре масонов и евреев, такую теорию не исключал. Знали бы авторы всех этих книжонок о тайном мировом правительстве хотя бы толику реальной правды!

Многие отпрыски *темных* фамилий мелькали в таблоидах, на страницах светских хроник и скандалов, кого-то прельщала актерская карьера или музыкальная индустрия. Торнфельд только хмыкал, натываясь на описание очередного дикого загула какого-то из облаканных судьбой юнцов.

– Подумать только, – бормотал он. – Такой уважаемый папа, магистр Ковена Восточной Англии, а сын так себя ведет. Ну надо же – в женском купальнике среди бела дня...

Своей прессы у темников не было, они предпочитали не оставлять никаких материальных следов своего существования. Только радиogramмы, зашифрованные древними, еще алхимическими знаковыми системами, и несколько скрытых телеканалов, которые невозможно было увидеть без специальных дешифраторов сигнала, которые к обычным людям попасть никак не могли: «Темный вестник», «Трисмегист ТВ», «Уроборос Чэннел».

Был еще новомодный «Магбук». Гарри, хоть и близился к полтиннику, кряхтя, освоил и его – информация никогда не бывает лишней.

И сейчас, привычно поживаясь под прицелом лихорадочно блестящих глаз колдуна, он гадал – что же задумал мистер Альберт Фреймус, глава Ковена Западной Англии.

«Проект «Утренняя звезда» уже должен завершить работу, но в соцсетях нет никаких следов активности детей, – размышлял Торнфельд. – Это же первый молодежный лагерь для темников, такого не было прежде – весь «Магбук» должен был давно взорваться постами, фотографиями, перепостами, группами обсуждений. А вместо этого – тишина и унылые посты на тему «где все, почему так тихо?». Пятьдесят человек выключены из блогосферы, как корова языком слизнула, и никто как будто не замечает их отсутствия».

Почему молчат семьи детей, Гарри понимал – они пытаются выяснить их судьбу по своим каналам. За последние две недели группа сетевой безопасности зарегистрировала десять попыток взлома серверов проекта «Чертог». Вокруг курганов шныряли персонажи с весьма мерзкими рожами, и Торнфельд не сомневался, что таким образом прошупывают все объекты, принадлежащие Фреймусу.

Фреймус сложил пальцы шалашиком, посмотрел на него и на Пайла своим новым сверкающим взглядом.

«Нелады с шефом, совсем нелады, – подумал Торнфельд. – Он теряет контроль. Фреймус никогда не теряет контроля».

Сколько Гарри уже рядом с главой ковена? Пятнадцать? Двадцать? Да уж больше, он в восемьдесят восьмом в Анголе встретился с ним в первый раз. Альберт был молод, но уже холоден, как лед. Казалось, он родился с антифризом в венах вместо крови. А теперь... Колдун мастерски выдерживал паузу, но Гарри слишком давно с ним вместе бродил по темным тропкам, чтобы обмануться. Вот Кристофер ерзает, как будто его черти уже на сковородке жарят, – так томит его неизвестность. А Гарри беспокоят скрытые и глубокие перемены в натуре шефа. Как говорят, для жен и слуг не бывает гениев, потому что они слишком хорошо знакомы с изнанкой жизни этих самых гениев.

Торнфельд был знаком с изнанкой жизни Фреймуса куда лучше, чем иная жена. Когда шеф исчезает, чтобы провести очередной эксперимент, а по возвращении демонстрирует явные изменения в характере и даже внешности, хорошего ждать не приходится. Да еще и новые члены их команды вызывают вопросы...

Гарри бросил быстрый взгляд на юношу у стены. Черные джинсы, черная куртка-худи с глухим капюшоном, в котором ухмылялась темнота. Лица не разглядеть, одни глаза блестят, в руках зажата трость. С черепом.

Какая пошлость.

Разговор происходил в одном из рабочих кабинетов Фреймуса, на минус третьем уровне. Все как любит Фреймус – никаких украшений, много электроники, стол, кресло для хозяина, стулья. Торнфельд с Пайлом вполне расположились, а этот стоит, давит ноги, стойкий оловянный солдатик.

Колдун вздохнул, разъял замок из пальцев – будто вмиг обрушил каркас неведомого замка на колени – и заключил:

– Мистер Торнфельд, вы снова поступаете в мое распоряжение. Проект «Чертог» переходит под начало мистера Адониса Блэквуда.

Кристофер Пайл подпрыгнул на стуле и едва не сверзился на пол.

– Как переходит?! – он взмахнул руками, сохраняя нелепое равновесие. – Что вы хотите сказать, сэр? Переходит в прямом смысле или в переносном?

– Я не ясно выразился? – нахмурился Фреймус. – За проект «Чертог» отныне будет нести ответственность мистер Адонис Блэквуд.

– Но как же мои исследования? – На Пайла было жалко смотреть. – Как же публикации? Вы же обещали, что я буду руководить раскопками, что я останусь во главе проекта...

– Копайте сколько угодно, мистер Пайл, – звучным глубоким голосом сказал юноша. Он шагнул к столу и снял капюшон. Торнфельд вздрогнул. Черная кожа неестественно ярко блестела, впавшие глаза, походившие на глаза самого Фреймуса, сверкали из глазниц. Смоляные дреды туго стягивали череп, сходились на затылке в пучок. Юноша двигался преувеличенно медленно, словно старался удержать силу, рвущуюся изнутри, но она все равно выплескивалась – в слишком быстрых движениях рук, поворотах тела. Он прихрамывал, но при этом шагал порывисто, быстро.

– Меня интересует общее развитие проекта и его дальнейшая безопасность, – он подарил Торнфельду взгляд, и Гарри с трудом подавил раздражение. Щенок, ему и семнадцати нет, а Фреймус назначил его руководителем проекта! Прощай, карьерная ступенька, ты мне нравилась. Прощай и ты, круглая сумма на банковском счету. А теперь опять тянуть беспокойную лямку водителя и телохранителя. Зачем шеф его сдергивает с места, где он уже корни пустил и готовился листву выбросить? Затем, что старине Торнфельду привалила работа по профилю, к гадалке не ходить, – а это значит бессонные ночи, разъезды, краткая дрема в самолетах и поездах и постоянные проверки безопасности.

– Что ж, займемся делом, – сказал Фреймус. – Мистер Пайл, мы в состоянии провести ритуал этой ночью?

– Ритуал вызова, сэр? – спросил Кристофер с ужасом. – Без подготовки? Вы же не привезли последнюю печать? Или привезли?!

Пайла бросало от разочарования к надежде, от ужаса к восторгу, как щепку в разыгравшемся прибое.

– Эта проблема скоро решится, – сказал колдун. – Круг вызова не разрушен, источник цел, носители печатей в порядке и способны работать. Не вижу проблем в том, чтобы частично открыть врата.

– Но, сэр... мы до сих пор не выяснили, что произошло той ночью, – робко возразил Кристофер. – Когда нарушители проникли на седьмой уровень, вся измерительная аппаратура вышла из строя. Слепцы, то есть носители печатей, и источник целы, однако руины Каэр Сиди сильно пострадали. Так же серьезно повреждены перекрытия вплоть до четвертого уровня, рабочие еще не закончили разбирать завалы, сохраняется угроза обрушения. Потребуется несколько месяцев, чтобы устранить все повреждения и запустить проект «Чертог».

– У нас нет даже лишнего дня, Пайл, – колдун встал. Торнфельд отметил, что его костюм, скроенный по фигуре, висел мешком. – Этой ночью мы проведем ритуал вызова, – он направился к двери, Кристофер с Гарри подскочили следом. – Да, эти нарушители... Вы их нашли?

Гарри покачал головой:

– Ни следа. Судя по записям внешних камер, крылатая тварь выбралась через лифтовую шахту. Но остальные исчезли. Может, их унесла подземная река? Там же полости тянутся километров на пятьдесят.

– Вот видишь, мой мальчик, с кем приходится работать, – со вздохом сказал колдун, обращаясь к Адонису. – Это не тварь, а ледяная химера, Гарри, уж ты-то должен знать. Ты же видел малыша Калеба в обоих обликах.

Блэквуд ответил препаскудной усмешкой – понимающей и снисходительной.

– При всем уважении, сэр, ледяная химера была значительно меньше, чем то создание, – заметил он. – Да, внешнее сходство есть, но скорость, сила... оно уничтожило несколько сторожевых големов. Вряд ли это был Калеб.

– Растет малыш, – задумчиво сказал Фреймус, – рвется с привязи. Пора его приструнить.

Колдун щелкнул пальцами, и Гарри невольно обратил внимание, что ногти у шефа неестественно розовые.

– Что ж, давайте выясним, чего хотел добиться Марко Франчелли от слепцов.

«Какой Марко Франчелли?» – подумал Торнфельд, шагнув следом за шефом в лифт.

* * *

Паром из Бергена в Ньюкасл уходил в ночь. Бьорн купил билет, выгребя всю заржавленную мелочь из сумки. Кассир невозмутимо выдал ему квиток, Бьорн прошел на посадку и забился в самый угол большого холла, где толпились пассажиры. Денег хватило еще на бутылку ледяной воды и пончик.

Парочка рядом пила кофе, этот запах разом воскресил старые воспоминания. Кристин на кухне, ее седые волосы сверкают в утреннем солнце, она варит кофе и переругивается с телевизором. Люсеботн, бабушка, каникулы – как давно это было! Где тот нескладный парень, сходящий с ума от истории, и яростный интернет-спорщик, куда унесла его холодная вода?

Бьорн откусил пончик и застыл – давно забытый вкус ударил его в самое сердце.

Он нащупал последнюю монету, поднялся и как слепой – сквозь шумную веселую толпу, почти на ощупь – пробрался к телефону-автомату. Паром еще не отплыл, они были в зоне приема норвежских операторов, Бьорн набрал номер как помнил – а он, оказывается, так много помнил, так много сохранил подо льдом.

Трубку долго не брали, гудки один за другим летели в пустоту, в черноту берега, в слабое мерцание неба, и он собрался уже оборвать вызов, когда на том конце ответили:

– Алло?

Слабый, усталый женский голос. Бьорн Эгиль стиснул трубку, пол под ногами качнулся – паром отплывает. Паром, что же еще.

– Алло, слушаю?

А что слушать, если ему нечего сказать? Здравствуй, ба, это я, твой блудный внук? Я вернулся из льдов, из звенящей глухоты гор, слепящего снега? В моих глазах лед, а в сумке холод и чистота первых времен, еще до рождения Солнца? Я забыл человеческий алфавит, мои губы смерзлись, а язык в силах сказать только слово «вечность»?

– Алло? – голос дрогнул, в нем что-то задышало, раскрылось, как цветок утром, как белый крокус в черной земле – это была надежда. – Алло... это ты? Бьорни, малыш, это ты?!

Бьорн дернулся, рука его, теребившая замок сумки, сама по себе отщелкнула замок, нырнула внутрь. Пальцы коснулись ледяного свертка, юноша выпрямился, сказал чужим сдвоенным голосом:

– Простите, я ошибся номером. – Он уронил трубку на рычаг, но оттуда успело вытечь слабым радостным вздохом:

– Бьорни, все хорошо, мы тебя любим...

В ладони расцвстал ледяной цветок, Бьорн вышел в темноту, навстречу мартовскому ветру. Прочь от огней, от людей, от их глупых радостей и нелепого домашнего счастья. Он выкован заново во льдах Йотунхеймена, он вскормлен светом звезд и чистотой снега на ладонях Сморстаббрина, Зверя Древнего льда. Он должен выполнить то, что велел Сморг. Прежний Бьорн Эгиль был слаб, именно поэтому эта черная тварь смогла войти в его сердце и натворить столько зла его руками. Теперь все будет иначе.

«Ступай на запад, найди того, кто прошел путями черной воды, – слова Ледяного отца перекатывались внутри его как заиндевевшие валуны и никак не могли улечься. – Найди Стража, дважды умершего и воскресшего. Грядет битва, в которой Видящая не выстоит в одиночку. Ты ей нужен».

Глава вторая

– Очень приятно, – устало улыбнулась Дженни, принимая ларец темного дерева. Посланец африканского Магуса отступил. Высокий негр в смешном цветастом халате, в крохотной плоской шапочке, сидевшей на сверкающих сединой кучерявых волосах. Большой Маконго, глава угандийского Магуса и выборный представитель южноафриканских Магусов.

– Да хранят тебя Великие предки, Видящая! – А глаза у старика Маконго были лукавые, умные, черными маслинами они катались по ее лицу, по зверодушцам Жозефу Квамби и Тадеушу Вуйцику за ее плечами – «потому что теперь мы официальная делегация Службы Вольных Ловцов, и требуется соблюдать дипломатический протокол, будь он неладен». Пару раз взгляд Маконго пробежался и по Ласу, развалившемуся в ногах и взиравшему на посланцев с царственным равнодушием – как будто эта зверюга стажировалась в Букингемском дворце, а не скакала по сугробам и полям вместе с Дженни.

Веселые морщинки разбегались от глаз старого Маконго. Воздух в небольшом шатре качался, столб света падал сверху, и в нем танцевали пылинки, толкались невесомыми боками, как вопросы на языке старого Маконго, но он тоже хорошо знал протокол, так что не сейчас, Видящая, время долгих разговоров придет позже, под сенью тихих шатров, где нет лишних глаз и ушей...

Старик ушел, полог качнулся, отсекая порыв холодного воздуха. Дженни перевела дух.

Первый час было весело сидеть на этой низенькой табуреточке со смешным названием... как бишь там ее... пуфик! Слушать сопение Тадеуша и шутки Жозефа. Но к концу третьего часа она запросила пощады. Германика, сняла серьгу Арлекина и, радостно вернув свой облик, сурово пресекла порыв к свободе.

– Таков порядок первого дня Собора, – сказала она. – Гости прибывают, обмениваются официальными визитами, дарят подарки.

– Да меня уже похоронили под подарками, – робко возопила Дженни. – Складывать некуда!

Германика кинула критический взгляд на груды свертков, ларцов, шкатулок и прочих сувенирных емкостей.

– Барахло большей частью, – вынесла она вердикт. – *Сверкает* кое-что, но слабенько. Жмотятся внешники.

– Там есть пара занятных вещиц, – возразила Эвелина. Она сидела у входа, но как-то незаметно даже для *ясного взора*, за небольшой ширмой, так что вошедший не замечал ее до тех пор, пока не решался уходить. На столике перед ней стоял аквариум, полный слоистой разноцветной воды, в которой кружили золотые рыбки.

– Ага, как бы у этих вещиц двойного дна не обнаружилось, – сказала Германика.

– Какого дна? – не поняла Дженни.

– Вот подарят тебе, скажем, – опер-Ловец Бодден так задумалась, словно не могла представить, что Дженни кто-то что-то может подарить. – Браслетик. Красивый, со стразиками, а еще он клады *чувет*. Полезная штука, особенно для археологов и прочих копателей. А ночами, когда ты спишь, он к тебе *цепляется*. И тот, кто его подарил, может ходить по твоим снам как по своей квартире.

– Я и так клады могу найти, – возразила Дженни. – Зачем мне браслет? К тому же я всегда почувствую, если кто-то войдет в мой сон.

Германика махнула рукой:

– Как же я забыла, ты ведь великая Видящая, для тебя нет ничего невозможного.

– Герм... – мягко сказал Жозеф.

Германика выглянула на улицу:

– Пока перерыв, никого на горизонте. Эви, что скажешь?

– С утра прошли двадцать четыре посланца, – сказала Эвелина, кроша рыбкам сверкающую пыль. – Все чисты, никаких следов диббуков.

– Двадцать четыре из трехсот выборных, – Германика произвела нехитрые подсчеты и вздохнула: – Неважный темп.

– Из трехсот?! – с ужасом переспросила Дженни. – Да у меня все тело занемет – столько сидеть! Мы же тут просто теряем время, нам надо в Англию, надо искать Марко!

– Нам надо делать то, что мы должны делать, – спокойно сказала Германика. – На этом соборе решается судьба СВЛ, судьба Авалона, всех Магусов. Если Талос выигрывает, нам конец. Башня Дождя падет!

– Но как же дедушка... – Дженни кусала губы.

– Мы все очень переживаем за Марко и Людвига, – сказала Эвелина. – Как только собор закончится, мы немедленно отправимся на их поиски. Но сейчас...

– ...сейчас мы не можем ослаблять отряд, – закончила Германика. – Слишком много поставлено на кон. Особенно если учесть тот камень, который ты привезла с собой. И то, что произошло в лагере.

Дженни встала.

– Прием даров закончен, – заявила она. – Обеденный перерыв. Тэд, составишь компанию?

Зверодушец с готовностью сошел с места.

– И куда ты? – поинтересовалась Германика.

Дженни повела плечом:

– Воздухом подышать, хот-дог съесть. Может Видящая сожрать хот-дог без китайских церемоний?

– Может, – разрешила опер-Ловец. – Но одного Тэди мало. Жозеф...

– О боги, зачем еще кто-то? Они будут хот-дог вдвоем держать, а я откусывать?

– Возьми Жозефа. Так безопасней.

– Да что со мной на этом фестивале случится? – удивилась Дженни. – Здесь же собрались самые сильные члены Магусов Внешних земель, элита. Сливки. Пенки. В общем, крутая сметана. Ложку воткни – не упадет.

– А кто сказал, что все они тебя любят? – заметила Германика.

Глава третья

– А это чьи флаги? – Михаил указал на белое полотнище с красным драконом.

– А, Уэльс, древний Магус, – обрадовался дядя. – Они помнят многое о *первых*, я тебя познакомлю. Есть у меня старый друг, старик Ллевелин ап Эрдин, он много чего знает.

Никифор Ермаков, глава Китежского Могущества, осматривался с видимым удовольствием, поминутно здоровался со встречными незнакомцами, бросая короткие фразы и коротко кивая. В шумном многолюдье первого дня фестиваля он чувствовал себя как форель в быстром горном ручье.

Невысокий, широкоплечий, он двигался легко, невзирая на возраст – прошлой зимой разменял седьмой десяток. Никифор присел, запустил пальцы во влажную, притоптанную землю, пошевелил зеленую траву.

– Тепло здесь, – сказал он. – У нас-то, в Беловодье, только снег сошел, а здесь, гляди-ка, цветы.

Он погладил цветок, выбившийся на обочине широкой тропы, которую уже протоптали гости международного фестиваля циркового искусства «Феерия». По всему берегу озера Герледан вставали пестроцветные шатры. Официально фестиваль начинался только на следующий день. Завтра шатры распахнутся, заиграет музыка, завертится сахарная вата в лотках, в автоматах запрыгает соленый и сладкий попкорн, зазывалы на ходулях пустятся на ногах-циркулях вдоль и поперек перемеривать землю, в небо поднимутся сотни разноцветных шаров, сорвутся с рук жонглерские булавы, и воздушные акробаты взлетят под купола. Тогда клоуны начнут веселить публику, и смех, звон, радость полетят над землей, как светлый тополиный пух.

Все будет завтра, а пока на фестивале всем было не до веселья: парковались фургоны, техники бились с проводами, как с клубками змей, монтажники стучали молотками и жужжали шуруповертами, собирая арены и готовя инвентарь. Стучали генераторы, горели уличные фонари и окошки жилых вагончиков. Фестиваль разворачивал свое яркое тело, обжигался на гостеприимном берегу озера. Но и сейчас уже среди озабоченного, деловитого циркового люда сновали любопытные зеваки из ближайшего городка. Завтра их будет в разы больше.

– Странно все это, – сказал Михаил. – Цирки эти... У нас все не так. Вот как ты узнаешь, с кем здороваться, а с кем нет?

– У них Магусы – у нас Могущества, – сказал дядя. – Названия разные, суть одна. Ты не смотри на форму, смотри на суть. Для обычных людей, для миролюдов – это фестиваль бродячих цирков, мировой скомороший съезд. А для нашего брата, Китежа, здесь Собор *ясных людей*. Что ж ты – смотришь в воду, а рыбы не видишь. Ну-ка, где твой *ясный взор*?

Михаил вздохнул. Проще было взять живого барана на плечи и бегом на сопку подняться и спуститься, чем использовать этот дар Могущества.

– Чего нос морщишь?

– Да зачем он, этот *взор*, – досадливо поморщился юноша. – Не нужен он Стражу. Стой твердо и бей сильно – вот и вся наука.

Дядя так и встал поперек дороги, разглядывая его, как невиданного жука:

– Ишь ты, зуб мудрости прорезался. А ну-ка... – он с удовольствием закатал рукава. – Давай, брат, сыграем в неваляшку. Кто устоит, тот и прав.

Михаил опешил – и что на Никифора Петровича напало, какой бес к сердцу подселился? Голова Китежского Могущества, степенный и спокойный, разом переменялся, едва они миновали границу охранного кольца, раскинутого как светлый плат над цирковыми шатрами.

Миша, даром что был слеп на *ясный взор*, и то дымчатую сеть-кольцо разглядел. Пятнистый воздух клубился, не стоял на месте, стоило уронить в него взгляд – и ноги сами шли туда, куда их *уводило* беспрестанное кружение света и тени. Пока кольцо дремало, и миролюды, обычный человеческий народ, проходили сквозь него беспрепятственно. Лишь иной раз застывал миролюд посреди дороги, разевал рот, как налим на песке, и в недоумении разводил руками: значит, накрыло его, *зацепило*, перепутались дороги под ногами, заплелись – не расплести. А после отпускало, и человек находил дорогу, и себя на дороге, и только моргал – что за наваждение с ним случилось?

А дядя изменился иначе – будто разом лет тридцать сбросил или отвара *сильного* хлебнул. Словно часы его жизни вспять пошли.

– Давай, что – цирков смущаешься? Клоунов боишься, брат? – подначивал дядя, качаясь с носка на каблук. Он играл плечами, кидал *нутряную силу* из края в край тела, да так явно, чтобы даже Михаил разглядел, понял.

Миша все понял. Миша даже обиделся. Зачем тогда взял с собой, единственного, хотя на Собор много охотников было – и годами старше, и умом острее? Чтобы на чужой земле покуражиться? Михаил виду не подал, только хмыкнул, отбилась детской присказкой:

– Пугалка не выросла – бояться их, раскрашенных.

– Не будь лапшой, герой с дырой, – блеснул глазами Никифор.

Дядин азарт его зацепил, Миша шагнул вперед, испытывая смутное желание сорвать с головы шапку, бросить на растоптанную скользкую землю. Он подался вперед, выбросил руки, ухватывая дядины плечи, твердые и покатые, как речные камни, но дядя – плотный, кряжистый, вдруг стал как вода, плечи его текли под пальцами Михаила, и чем сильнее Миша сжимал хватку, тем труднее было его удержать. Не камни, а тугой комок влажной глины мял он в руках.

Михаил Ермаков мог удержать что ухватил – гвозди он не гнул, а в узлы пальцами завязывал, а иной оплеухой мог и кору с сосны содрать. Вместе со щепой. Но дядя был здесь – и его не было, не было его *стрежня*, за который Миша мог бы зацепиться. Со зверем лесным было не так, зверь всегда был равен самому себе, сила там сшибалась с силой, и схватка была в радость.

Дядя исчез, провернулся вокруг себя волчком-игрушкой, а Мишу его же сила потянула, повела боком, и все ближе к земле, к родимой хляби, к раскисшему глинозему...

Никифор Петрович поймал племянника над самой французской землицей, вернул в вертикальное положение:

– Погодь, родимый, еще в ней належишься.

– Хорошо, – кто-то звонко заметил.

Миша обернулся, хотел резануть – чего ж тут хорошего, чуть рожей грязь не пропахал, еще б малость – и в борозду можно было бы семена сеять, – но осекся.

Хрупкая светловолосая девушка, почти девочка. Ярко-синие – глубже неба – глаза. На руке ее сверкал прозрачным светом крупный синий камень на перстне, и свет камня был как осязаемый ветер, заставлял пригибать голову.

Позади девушки стояли двое – худой долговязый юноша со светлыми волосами и мягкой улыбкой и темнокожий мужчина, который смотрел на него обманчиво равнодушными желтыми глазами. *Двуликих* различать Миша умел хорошо, нагляделся в родных лесах. Девчонку – совсем юницу – сопровождали два зверодушца. Да каких! В серых глазах светловолосого Михаил *чуял* знакомый волчий дух, а вот от темнокожего мурашки по рукам побежали. Большой зверь, сильный, почти как тигр.

Никифор Петрович улыбнулся, погладил аккуратную черную с сединой бороду.

– Рад вас видеть, ясная госпожа. Большая честь...

– Что вы, что вы! – замахала руками девчонка. – Я только от этих церемоний убежала, а они меня тут догоняют! У вас так здорово получается, я никогда не видела, чтобы так управляли собственным *пламенем жизни*...

Она задумалась на мгновение, потом тряхнула головой и улыбнулась – светло, радостно, как будто ее кольцом с яхонтом одарили.

– А вот нет же! Вы и своим огнем управляете, и за его следите, намерения ловите. Как здорово, и так просто, и так ловко...

Никифор Петрович расцвел, с еще большим удовольствием огладил бороду:

– А я об этом племяннику и толкую – что Страж без *ясного взора* — как боец на одной ноге: воевать можно, но несподручно. – Он спохватился: – Простите, ясная госпожа, не представились. Никифор Ермаков, голова Китежского Могущества, выборный от Магусов сибирских, а это мой племянник, Михаил.

Взгляд девушки остановился на Мише, тот кивнул, тихо поздоровался. И чего дядя перед этой девчонкой так распинается?

– Дженни Далфин, – сказала девушка. – А это Тадеуш Вуйцик и Жозеф Квамби, мои друзья.

Такого друга в лесу встретишь – топором не отмашешься, мрачно подумал Миша. Все у этих циркачей на Западе не так, как у них, другим порядком заведено. Непривычно.

– Ясная госпожа, – улыбнулась девушка. – Так меня еще не называли.

– У нас, в Беловодье, в ходу старые обращения, какие здесь давно забыли, – объяснил Никифор.

– Беловодье? – в глазах девушки мелькнуло непонимание, темнокожий склонился к ней, что-то сказал.

– Очень далеко, – сказала она. – Удивительно вы, наверное, живете, у вас еще остались *первые*, которые здесь давно ушли.

– Да заглядывает кой-кто из Нави, – слегка нахмурился дядя. – Но мы их спрашиваем, Договор блюдем.

– Спасибо, – сказала она, потом что-то вспомнила и добавила: – Служба Вольных Ловцов всегда готова вам помочь.

Никифор Петрович степенно кивнул, давая понять, что спасибо, конечно, но они и сами управляются.

Михаил вспомнил, как прошлой Купаловой ночью распахнулась Батыр-могила, старый курган в Синей долине, и оттуда повалила в сизом тумане нежить, а во главе ее червь черный с крыльями – здоровый был гад. Миролюдов поселок на перевале едва уцелел, прорыв остановили почти у самых домов. В миролюдских газетах, которые в Беловодье кружным путем попадали, потом писали про оползень, чудом миновавший поселок.

Знал то чудо Михаил, не раз от его кулаков в глазах звезды вспыхивали. Тогда Миша еще не прошел посвящения, не включили его в круг Китежского Могущества, и он мог только с друзьями, такими же недоростками, увязаться следом за дядиным отрядом да схорониться в лесочке. Со стороны следили, как дядя бился с червем, как вколачивали Стражи в землю хищные тени, как пела свирель Певуны Ясины под темным небом и ветер рвал в клочья сизый туман. Оно конечно, сами справились, да помощь лишней бы не была, чего греха таить.

Девушка попрощалась, пошла прочь, но обернулась, окатила синим светом:

– Вы как-нибудь заходите, расскажите о Беловодье, господин Ермаков.

Никифор склонил голову:

– Непременно зайдем, ясная госпожа.

Троица скрылась из виду, Ермаков-старший почесал бороду. Вид у него был задумчивый.

– Эвон как, Мишка. Не думал, что она такая...

– Да кто? – не понял племянник.

Никифор Петрович с сожалением поглядел на него:

– Вот о чем я тебе толкую? Страж с закрытым сердцем меньше миролюда может, куда тебе без *ясного взора*? Ты, поди, и не разглядел ничего?

– Все я разглядел, – обиделся Миша. – И перстень чудовый на руке, и зверодушцев. Тот, черный, вообще зверюга лютая.

– Эх ты, смотрел на тигра, а разглядел полоски, – засмеялся Никифор. – Кто, по-твоему, это был?

– Почему знаю? – пожал плечами Михаил. – Какая-то девица из древней *ясной семьи*?

Никифор вздохнул, огладил бороду:

– Учиться тебе, Мишка, и учиться, как завещал... а, не важно кто. Это ж Видящая была, голова ты пустая. А что семья у нее знатная и дед старейшина Великого Совета Авалона, Судья Талос Далфин, так это все не семечки даже, а лузга.

– Кто Видящая? Эта пигалица? – заморгал Михаил. – Какой судья, какой Великий Совет?

Дядя только крикнул:

– Меньше надо по лесам шляться и медведей из берлог вытаскивать! Совсем бестолчю вырос, как и дружки твои.

Миша совсем обиделся:

– Никого мы не вытаскивали, так, пару раз шатуна пугнули.

– Ага. И лосям елочные игрушки к рогам не привязывали.

– Так всего разок было, Новый год же.

– Вот я тебе дам Новый год, Восьмое марта и Первомай в придачу! – рассердился дядя. Стреб бороду в кулак, огляделся. Махнул рукой в сторону желтого шатра, от которого лепестками расходились навесы. Под ними стояли лавки и столы, и оттуда влажный мартовский ветер доносил запахи – печеные и жареные.

– Идем, медведеборец, сидру выпьем, по крепу съедим, и займись твоими пробелами. Ликбез, как говаривали большевики, устрою.

– Чего?

– Квасу, говорю, выпьем и блином закусим, – буркнул Никифор Петрович. – А заодно, вприкуску, я тебе растолкую, дикому человеку, кто такая Видящая и что такое Авалон.

Глава четвертая

– Сгинь, – велел Талос Далфин, и паук утек прочь, цокая когтями по выщербленной белой стене. Судья свел и развел ладони, раскрывая *сферу молчания*. Никто не мог теперь их услышать, ни человеческим слухом, ни звериным, непроницаема она была и на Дороге Снов.

Маргарет Дженкинс подняла голову. Спутанные волосы падали на бледное лицо, синие изрезанные губы шевельнулись:

– Редкие гости к нам пожаловали. Сам Судья Авалона.

Талос встал перед ней. Свет не попадал в эту келью, Маргарет стояла в густой тени, только огонь светильника в руке владыки Медного дворца освещал ее.

– Что тебе, Судья? Ты пришел решить нашу судьбу? – глаза Маргарет метались по его фигуре испуганными птицами, игольные зрачки кололи черными остриями – Талос чувствовал, будто его щекочут своими усиками тысячи невидимых муравьев.

– Нет, ты хочешь решить свою судьбу, – улынулась одержимая. – Ты потерялся, Талос, ты почти проиграл.

Талос качнул светильник, белое пламя вспыхнуло, вдавило тени в стены. Маргарет отвернула лицо, сморщилась.

– Не забывай, что ты и где ты, – напомнил Судья.

– Зачем явился?! – голоса затолкались в горле Маргарет, перебивая друг друга. – Чего хочешь? Узнать, где твоя внучка? Или где твоя Красная печать, Хранитель? А где она, где? Кто ее взял, кто унес из ларца, кто миновал охрану, кто усыпил твоих стимфалид, Талос? Это он, твой сын, твой Роберт ее унес, да, он, в ночи как вор бежал из Медного дворца. А кто ему помог, Судья, кто провел его сквозь посты, кто открыл ему двери?

Талос поднес светильник ближе, Маргарет с шипением заметалась по стене, звеня цепями.

– Сделка, – выкрикнула она, – сделка, сделка, сделка, Судья! Мы много знаем, очень много, но мы скованы, мы хотим жить...

– Чего ты хочешь?

Маргарет усмехнулась, повела руками в тяжком железе:

– А ты как думаешь?

– Ты получишь свободу, – пообещал Судья. – Если скажешь все, что я хочу знать.

– Поклянись, – потребовала одержимая.

– Дорогой Снов и Янтарным островом, Договором и кровью рода Далфин я клянусь, что освобожу тебя, – сказал Талос. – Если я нарушу это обещание, пусть небо упадет и раздавит меня, пусть земля разверзнется и поглотит, пусть море поднимется и обрушится на меня.

– Кровь рода Далфин, – белый язык облизал синие губы, – вкусная кровь, густая, с-славная кровь, мы ее пробовали, мы слышали твою клятву, Талос-с-с Далфин.

– Говори.

– Не о том спрашиваешь, Талос, не о том. Какая разница, кто помог забрать Красную печать, если она уже у колдуна? Ты и сам мог бы давно понять, если бы так не упивался своим могуществом, не думал, что твой трон в Медном дворце нерушим. Кто мечтает освободить владыку Луга из плена Красной печати? Кто всегда был с тобой, кто служил твоему роду со времен Договора, кто следовал за тобой белой тенью и исполнял все приказы?

Талос побледнел:

– Они не могли... туата дали обет служить мне, пока Красная печать...

– ...пока она в твоих руках, Судья, пока ты ее владелец, – засмеялась Маргарет. – Но они служат только Лугу, они его народ. Неужели ты думал, что *первые* стерпят пораже-

ние при Тальтиу, забудут, кто заключил их владыку в Красную печать? Нам смешно, очень смешно, Судья...

Талос молчал, светильник в его руке дрожал, тени плясали на стенах, тени распоясались, они смеялись над ним, искажая облик Судьи, его движения. Теням было весело.

– Ты сам не знаешь, чего хочешь узнать, – продолжала Маргарет. – Туата не верны тебе, но пока тебе служат... до поры. Но на Авалоне есть сила сильнее их, и ты знаешь эту силу.

– Служба Вольных Ловцов, – прошептал Талос.

– Если Ловцы будут в твоих руках, ты сможешь вернуть все на свои места, Судья, нарушенный порядок будет восстановлен. Овладев Башней Дождя, ты сможешь вернуть себе все печати.

– Но как...

Маргарет подалась вперед:

– Глубоки подземелья Башни Дождя, там скрыто многое, очень многое. Артефакты, о которых все забыли, создания, которых СВЛ ловила столетиями, – неужели ты так наивен: думаешь, Мацуда всех их отправляла в Скрытые земли?

– Юки Мацуда, – с ненавистью сказал Талос.

– Именно, – заметалась Маргарет, голоса, ушедшие было в глубь ее существа, вновь прорывались, торопились сказать все хором: – Вот правильный вопрос, вопрос, который вернет тебе все. Кто такая Юки Мацуда и как свергнуть ее с поста директора СВЛ? Кто она, кто эта хитрая лиса, дряхлая старушенция? Руки ее слабы, но она крепко держит власть, очень крепко и очень давно. Сколько ты восседаешь в Медном дворце, Судья? Без малого двести лет по счету Внешних земель. А сколько Юки Мацуда в Башне Дождя?

– Она стала директором примерно в то же время, что и я, – задумался Талос. – И уже тогда была стара. Нет, она выглядела так же, как и сейчас! Но...

– Она стала директором двести лет назад, – опередила его Маргарет, подхлестнув его мысль. – Но сколько она в Службе Ловцов? Ты не знаешь? Никто не знает, кроме великана в библиотеке Башни Дождя, он сидит там со времен старика Мааннана Мак Лира, когда Авалон еще принадлежал *первым*. Мимир один знает, когда она появилась, он один ведает, что она такое. – Маргарет рассыпалась в дробном мелком хихиканье: – Думает, что один. Но мы, мы тоже знаем, мы тебе скажем... ближе, чтобы никто иной не услышал, кто она такая, еще ближе, Судья. Она не человек, она...

Талос склонился к ней, синие губы шевельнулись, и Судья изумленно отступил:

– Этого... этого не может быть!

– Тебе ли сомневаться в невозможном, Старейшина Магуса? – издевательски спросила одержимая.

Талос взвесил в руке светильник, свет полыхнул, лезвия его ударили из фигурных прорезей фонаря, рассекли тени, выжгли тьму в каменном мешке. Маргарет, скуля, вжалась в стену, зажмурилась. Свет исчез, она бессильно опустилась по стене. Цепи со звоном упали на пол.

– Ты свободна. Лоцманы отвезут тебя куда скажешь. Лекари согласятся с моим решением.

– Премного вам благодарны, Судья, премного, ай как мы благодарны, что свободны, да, мы свободны... – связная речь потонула в многоголосом хохоте, это темное ликование вытолкнуло Талоса из кельи навстречу соленому свету, заливавшему Замок Печали.

...Дежурный Лекарь выслушал его распоряжения со спокойствием, граничащим с безразличием. Очевидно, приказы Аббероэта его подчиненными не обсуждались. Дисциплина в этом ордене была строжайшей.

Рядом с ними с тяжелым липким звуком рухнуло что-то большое.

Талос обернулся.

Смятая мохнатая туша, брызги крови, восемь ног судорожно скребут просоленную землю.

Из кровавого месива встала знакомая фигура.

– Простите, мальчики, не удержалась, – Маргарет Дженкинс кокетливо облизывала пальцы. – Эта тварь сосала мою силу. – Она отряхнула с платья паучьи внутренности.

– Как ты... Что ты сделала с нашим Стражем? – впервые спокойствие Лекаря ему изменило. – Его яд погружает в вечную тьму!

– Правда? – Маргарет задумчиво поглядела на огромную голову, на распахнутые в смертном усилии жвалы, на кончиках которых сверкали капельки яда. – Он не ждал нападения. Наверное, хотел отвезти вниз, выполняя волю Судьи.

Талоса передернуло.

– Вечная тьма? – Маргарет нагнулась. – Звучит неплохо.

Талос поморщился, услышав треск ломающегося хитина.

– Трофей, – пояснила Маргарет, убирая в карман обломок жвала. – На добрую память. Ну что, где мои Лоцманы?

Глава пятая

Бьорн вышел посреди трассы. Вдавил кнопку остановки в салоне, и водитель принял влево, к обочине. Пассажиры мазнули по нему равнодушными взглядами. Автобус умчался, обдав выхлопными газами, Бьорн поморщился. Он отвык от этих запахов. После ледяного воздуха Йотунхеймена воздух здесь, в Англии, среди человеческих городов, казался слишком густым, липким, полным невидимой грязи.

«Они загадили весь мир, – думал он, шагая по узкой обочине и посматривая на поля, огороженные забором. – Отравили воду, выкачали нефть из тела земли, вырубili леса. Человек – это зло, он несет только разрушение и смерть».

Сколько было в этих мыслях от долгих речей Смора, сколько – от его собственных наблюдений, Бьорн не задумывался. Смор прав, планета гибла в руках человечества – даже во время долгих прогулок по ледяному панцирю ледника он видел, как полосует небо железный резец истребителя, ветры доносили запахи из долин, гарь их городов, смрад их машин. Ветры приходили очиститься в горы.

Он перескочил через овраг, перелез через забор и углубился в лесок. Впереди лежала река, Бьорн угадывал ее прохладное течение, ее гибкое тело, текучий слиток прозрачного серебра среди тихих берегов. Он многому научился за время жизни у Смора – наверное, это люди Магуса называют *ясным взором*. Бьорн никак не называл это состояние, он просто слышал и слушал.

«Раньше все люди умели слушать, – говорил Смор, – умели понимать, чего хочет мир, умели смирять свои желания. Это дремлет в каждом, ваша кровь помнит, чем вы были, но человеческий дух сильнее крови. Он жаждет, он не успокаивается, он ломает мир под себя. И мир скоро сломается...»

В его груди, там, где была черная дыра, теперь росла ледяная звезда, Бьорн чувствовал ее, представлял как живой лед, пронизанный кровеносными сосудами. Лучи этой звезды расчерчивали для него мир, делали его понятным. Вот зло – машины, города, цивилизация, вот добро – небо, вода, лес, а вот туда надо идти, потому что так указывает звезда, ее светлый луч как игла компаса.

Он вышел к реке, пошел вдоль берега, прислушиваясь к едва слышному журчанию. Вода шла ровно, несла лесной сор, чуть завивалась над невидными камнями. В ветвях перепархивала птица, потревоженная его присутствием. Он прошагал около километра вверх по течению, пока не пришел к старой иве, склонившейся до воды. Дерево полоскало длинные ветви, пускало их по воде как волосы. В черных корнях у берега лежал человек. Как мертвый, но Бьорн слышал в нем слабое биение жизни. Он поспешно спустился и вытащил его на берег.

Он был очень тяжелым – взрослый мужчина, большой и высокий, но Бьорн справился, вытянул. Уложил на блеклую после зимы траву. Жмурясь от густого фиолетового сияния, вытянул из сумки сверток, бережно развернул, коснулся осколком Древнего льда груди человека.

Мужчина содрогнулся, вцепился в землю пальцами, мышечный спазм сжал тело, вытолкнул остатки воды из легких. Он закашлялся и открыл глаза, уставившись мутным взглядом в небо.

Грудь его поднималась и опускалась. Наконец он повернул голову, с трудом сфокусировал глаза на Бьорне.

– Здравствуй, Страж, – сказал юноша.

Людвиг Ланге не отвечал, смотрел потрясенным взглядом человека, которого вернули от смертного порога.

* * *

– Про Магусы я и так все знаю, – Миша доедал седьмой блин и нацелился на восьмой. Чудные у французов блины, крепы называются – ажурные, тонкие. Магушка совсем другие печет – пышные, на опаре, одним блином полдеревни накормить можно, да и второй половине останется. А эти – на один укус. Но хороши, во рту тают.

– Что ты мне как несмышленишу все рассказываешь? – Миша не удержался, лизнул жирные пальцы. Дядя только хмыкнул, чем еще больше Михаила раззадорил. Он принялся загибать пальцы: – Магусы от начала времен стерегут людской покой, спроваживают нелюдь и нежить на Ту сторону, в Навь, или Скрытые земли, как тут говорят. Та сторона появилась после Договора, когда на поле Таль... Каль...

– Тальтиу, – подсказал дядя.

Миша поморщился:

– Я так и говорю – на поле Тальтиу нелюдь, то есть *первые*, проиграли сражение. И эта самая начальная Видящая заключила Договор, по которому они все ушли на Ту сторону. Ну, все, кто не схоронился. Она открыла Врата... Фейри, вот же слово чудное, и заключила в семь печатей главных полководцев *первых*, чтобы те больше не буйнили и своей силой охраняли нерушимость врат.

– Ага, ты одну печать видал, – хмыкнул дядя. – Синюю.

– Да когда? – вскинулся Михаил.

– На руке у Видящей что сверкало? Для красоты бирюлька?

Миша немного поварил сказанное в голове. Это что же получается, Видящая не Видящая, а пигалица эта таскает при себе Синюю печать, одну из семи печатей, какими замкнули Врата Фейри? Вот дела.

Он потянулся почесать затылок, но дядя указал глазами на салфетки, и Миша принялся вытирать пальцы и рассказывать дальше. Ясно же, что Никифор Петрович – как клещ лесной: не отцепится, пока не вытянет, что в бедной Мишиной головушке удержалось.

– Ну, значит, Магусы встали на страже радужной границы, чтобы, значит, никакая пакость Договор не нарушала и к людям не шастала. А колдунам-темникам это было не по нутру, вот они и принялись против Магусов воевать, чтобы, стало быть, вернуть себе магию. Они ж после того, как мир поделился, всю силу потеряли. Обидно!

– Азы ты усвоил, – кивнул дядя.

– Да и буки одолел, – нахмурился Михаил. – Вот, значит, стали темники теснить Магусы, и тогда появился Артур, Спящий Король, который объединил Магусы. Он разделил Магусы-Могущества на рода-сословия – Властных, Бардов-певунов, Ловцов и Стражей. И создал на Буян-острове, Авалоне то бишь, Великий Совет и четыре службы для защиты и поддержки Магусов: Службу Суда, которую возглавляет этот, как его, Судья Талос, – они следят за порядком и исполнением законов Магуса; Службу Сновидцев, которые, значит, по Дороге Сна рыскают, вдоль радуги-границы, прорывы предвидят и о них предупреждают; затем Службу Вольных Ловцов, которая вместе с Магусами Внешних земель устраняет *прорывы* и всяких тварей к ногтю прижимает. Эту службу возглавляет Юки Мацуда – ну и имечко, Никифор Петрович...

– Ты давай излагай, блиноед, не отвлекайся.

– Я и говорю, – Миша не удержался, цапнул блин с тарелки. – Затем... мм-м... вкусные, заразы... затем создал этот Артур Службу Лоцманов, чтобы те возили Ловцов на Эту сторону, потому как сам Авалон находится в междумирье, между Скрытыми и Внешними землями, между Навью и Явью. Потом появились еще Лекари, но чем эти занимаются, я не знаю. Говорят, спасают тех из людей Магуса, кто с ума сошел да в чудодейство сорвался.

Но разве можно такого спасти, Никифор Петрович, это ж как лес – пока не выгорит сам, не потушишь.

– Они говорят, что могут, – помрачнел дядя. – Но это не для твоего ума материя, не тебе ее кроить. Рассказывай дальше.

– А я все рассказал, – пожал плечами Миша. – Артур все это, значит, сделал, дал окорот темникам, а сам лег в хрустальную гробницу спать, а для охраны себе назначил еще Людей Короля – они, значит, вроде как шестой службой считаются.

– А чего он лег? – блеснул лукавыми глазами дядя.

– А я почему знаю? Устал, наверное.

– Дурная ты голова, пустая колода, – рассердился дядя. – Устал! Ранили его, ясно? Битва была, собрали темники большую силу, хотели захватить ладьи, которые в Авалон отплывали. Артур им навстречу вышел, людей у него раза в два было меньше, да только это колдунам не помогло. Отбил Артур их приступ, но *злым* клинком его в сердце ударили, жадным до жизни, маленько только не достали. Обломился клинок, и рана не закрывалась – как ни бились Барды и Властные, не могли ее затянуть. Одно было спасение для Артура – уснуть, обмануть клинок: сон ведь как малая смерть, а вредить мертвому телу нет смысла. Потому он и уснул, да не до конца. До сих пор лежит в хрустальной гробнице на Янтарном острове, и Люди Короля с ним во сне говорят, его слова передают Великому Совету.

– Во сне говорят? – Миша кивал да жевал, но тут пальцы лишь поскребли по тарелке. Эх, вкусно, но мало.

– Ты как не из Могущества, чистый миролюд, – уставился на него дядя. – Кончай дурковать, Мишка, вон скоро рожа от блинов треснет. Кабы в тебя столько ума влазило, сколько жратвы, ты б как одуванчик ходил, от тяжести головы шатался.

– И куда бы я был тогда годен? – фыркнул Михаил. – Стражу сила нужна.

– И ум потребен! – отрезал дядя. – Что дальше было?

– Да ничего. Магусы зажили сами по себе, нелюдь ловили, обратно выпроваживали. Темники паскудили, нападали, Магусы тревожили, и потому Магусы все глубже уходили, как сом на дно ложились. Здесь, на Западе, скоморошить стали, циркачами притворились, чтобы их не распознали миролюды и колдуны со следа сбились, а у нас большей частью в леса уходили, офенями, бродячими торговцами прикинулись, а кто-то, как наш Китеж, в потаенные места сокрылись.

– А Видящие?

– А кто их разберет, Никифор Петрович. Я вообще думал, что это сказки для малых – про Видящих, которые могут мир как погремушку трясти. Виданное ли дело – такая силища человеку дадена? Враки все это, небылицы...

– Небылица – это конь, который кобылица, стоеросина! – вздохнул дядя. – Она перед тобой стояла... Первая Видящая, почитай, лет за четыреста.

– Да какая она Видящая?! – возмутился Михаил. – На что они вообще надобны? Стражи – понятное дело, своей силой Могущество охраняют, никакому врагу их не одолеть, потому что чем сильнее противник, тем больше возрастает их сила, они ее от самых корней земляных тянут, от солнца и луны, вдоль *стрешня* своего завивают. Ловцы тоже разумным делом занимаются – всякую тварь неподобную ловят, лапы и хвосты вяжут. Барды ветрами и водами управляют, стрелы и пули отклоняют, с лесом и травой разговаривают. Властные по снам ходят, судьбу угадывают и эти, как их... вероятности тасуют как карты. А Видящие? Вот чего она видит, Никифор Петрович?

Дядя вздохнул, внешняя злость, которую он на себя нагонял, развеялась, взгляд стал задумчивый:

– Это, Миша, вопрос, который много кому голову сломал – что такое Видящие, откуда они взялись и для чего нужны. Все теперь сошлось, Миша, на переломе века сооткалось.

Небывалые дела творятся, не знаю, к добру ли, ко злу, что на твоём веку они свершаются. Не созывали Собор Магусов очень давно, а вот гляди, какая суматоха на Авалоне приключилась. Небывалое дело – двое Старейшин Великого Совета друг на друга ополчились, Судья Талос Далфин и директор СВЛ Юки Мацуда. На чью сторону весы качнутся, как судьба Магусов дальше двинется, теперь решать нам, выборщикам от Магусов Внешних земель.

– А они правда на Авалоне сражаются? – с интересом спросил Михаил. Авалон, Буян-остров, говорят, там деревья золотые, а яблоки серебряные. Вода слаще меда, а мед такой, что ложку съешь – и весь ум позабудешь. По зеленым травам ходят *первые*, да не такие страхолюдные, как у них в чащобах, а краше птицы Сирин и птицы Алконост.

– Пока только грозятся, – дядя погладил дерево стола морщинистой ладонью. – Но неладно на Авалоне. Если не решим на Соборе, за кем из старейшин правда, худо будет.

– А Король? Он же может все решить.

– Спит Артур беспробудно, не достучаться до него. Говорят, что его дух слишком далеко ушел по Дороге Снов и никто не в силах его дозваться. Потому и Собор созвали.

– Значит, нам решать...

– Ну не всем решать, кому-то и блины просто трескать, – дядя встал из-за стола. – Пойдем прогуляемся, пузо твоё растрясем. Завтра первый сход Собора, надо много кого навестить, мосты прокинуть, прощупать что к чему.

Миша замер, проводил взглядом с десяток людей в простых серых одеждах, странных в здешнем пестроцветье карнавальных костюмов и музыки. Среди них, и без того странных, выделялись совсем уж необычные фигуры – в белом, с пылающими как зарево пожара волосами. На поясах качались белые ножны узких мечей.

Воздух клубился вокруг них, *отводил* глаза миролюдам, те торопились убраться с пути, ощущая смутное неудобство.

– Смотри-ка, прорезался *ясный взор*, – хмыкнул дядя. – Блинами, что ли, тебя чаще кормить? Да на что ты уставился, ровно мавку в чаше приметил?

– Никифор Петрович, это ж... – во рту у Михаила пересохло.

Дядя миг обернулся, подобрался, как барс перед прыжком.

– Матушки мои, туата, – пробормотал он. – Вот уж кого здесь быть не должно ни в каком виде. Совсем Талос потерял разумение, эдак он весь Собор от себя отвернет.

Тревога волнами расходилась от процессии, как пенный след от большого корабля, люди Магуса перешептывались, кидали косые взгляды.

– А кто это с ними? – очнулся Михаил, когда туата скрылись среди шатров.

– Лекари, брат, – дядя покачал головой. – Хорошеньких послов Судья подобрал, ничего не скажешь.

Он посмотрел куда-то поверх шатров, в светлое бретонское небо, и Миша поразился напряженному взгляду. Такой взгляд у главы Китежского Могущества Миша видел только перед началом *прорывов*, когда слаженная артель Могущества выходила на перехват нелюдей.

– Неладное, совсем неладное деется, – пробормотал Никифор. – Что-то грядет, а что – не разобрать, недостает силушки-то. Эх, Аким, говорил я – тебе надобно было ехать.

– Дядя Никифор?

– Пойдем-ка, брат, в шатер, обмозгуем все хорошенько, – Никифор хлопнул Мишу по плечу, и у того чуть все блины обратно не вылетели. Лавка под ним жалостно затрещала.

Глава шестая

Гарри Торнфельду было страшно, и он совсем этого не стыдился. Любому нормальному человеку будет страшно, если он стоит в пещере на глубине ста с лишним метров на берегу подземного озера, а на его глазах разворачивается колдовской ритуал.

«Эх, Гарри, где-то очень давно ты не на ту дорожку свернул, – подумал он. – Когда? В Конго? В Анголе? Когда ты из бравого морского пехотинца, склонного к нарушению субординации, превратился в наемника? А может, еще раньше, в школе, там, где было это – «Глубже макай его, Гарри, вытряси из этого сосунка все до последнего пенни!»? Сказал бы кто тогда, может, и двинулся бы в другую сторону.

Теперь уж поздно, стой где стоишь, потому что сойдешь с места – и погибнешь. Нет выхода со службы Фреймуса, и слишком много крови на руках, они у тебя черные, Гарри, посмотри...»

Торнфельд встряхнулся. Что за ересь в голову лезет! Камень давит, воздух холоден, от воды встает пар, курится в молочном свете, каким прожекторы заливают озеро.

Там, на острове посреди озера, шесть фигур. Слепцы качаются, что-то бормочут – в тишине пещеры слышен каждый звук, но смысла их слов не разобрать, чему Гарри только рад. Там же и Фреймус, он стоит на камне босыми ногами, и от них пар поднимается еще гуще – словно огонь горит в его теле.

Рядом переминается Кристофер. Этот человек все больше раздражал Торнфельда. Поодаль застыл Адонис Блэквуд, он смотрит на колдуна, и чистый восторг плещется в его глазах. Откуда Фреймус вытащил этого парня? Совсем щенок, такому место в молодежном лагере, а не во главе проекта «Чертог». А ведь верно, уж не из «Утренней звезды» ли этот молодец? Один из выпускников, птенец гнезда Фреймуса, – чем он их вскормил, какой напоил отравой?

Слепцы заголосили громче, вода в озере взволновалась, волны ударили в камень, и Гарри поспешно отступил.

Голоса сплетались, бились о свод, падали вниз, отражались от воды и облетали пещеру по кругу, чтобы снова вернуться в хоровод выкриков и восклицаний. Постепенно они выстраивались в дикой, хаотичной гармонии, и все чаще билась там одна фраза, изгибалась, как безглазая гусеница, гремела в изломанные стены: Гвин ап Нудд, Гвин ап нудд, Гвин ап Нудд. Прожектора погасли, ослепшим глазам не было больше пищи – только крики, только вопль измученных тел носился во тьме, как дух безвидный до времени творения.

Над ухом сопел Кристофер Хойл.

Торнфельд не выдержал, обернулся, чтобы ткнуть этого червяка...

Свет вставал над развалинами Каэр Сиди, призрачный, словно камни этих руин отдавали лунное сияние, которое когда-то впитали камни замка Гвин ап Нудда.

Хор смолк, липкую холодную темноту расколола вспышка, над островом будто склонилась ликущая луна, огромная сверкающая серебром дуга прокинулась от края до края озера и все больше надвигалась, внутри нее толпились тени, клубился сверкающий туман...

– Повелитель! – сильный голос Фреймуса без труда долетал до берега. – От тебя нет вестей, повелитель. Все, что мы задумали, увенчалось успехом. С помощью твоего дара я создал миньонов! Наша сила растет, очень скоро я добуду последнюю печать, и тогда Врата Фейри распахнутся. Дикая Охота вновь понесется по миру, и теперь эта скачка продлится вечно, весь мир будет скакать с тобой, повелитель!

Из тумана проступила фигура всадника на черном коне с пылающими углями глазами. Два пса бежали по бокам – бледные тени с багровыми глазами. Всадник навис над колдуном,

облик его становился все четче: вот проявились доспехи, на голове воздвигся стальной шлем с загнутыми полями, лицо всадника было черно, будто обожженная головня.

Всадник склонился ниже, рука его скользнула к бедру, в ней сверкнул меч ...

Адонис закричал, нет – он выдал дикий посвист, разорвавший туман, сорвал перчатки, и в руках его загорелся алый огонь. Он выбросил узкий игольный луч, ударил в камень перед всадником. Конь встал на дыбы, издавая беззвучное ржание.

Черный клинок всадника миновал Фреймуса, столкнулся с алой иглой и отлетел прочь, озаренный злыми искрами. Колдун прыжком отлетел назад.

– Повелитель! – В сдержанном голосе шефа Торнфельд впервые услышал страх. – Я твой верный слуга, повелитель...

Колени у Торнфельда подломились, схватившись за виски, он рухнул на острые камни. Обжигающий голос Господина Дикой Охоты бился в голове:

Я буду гнать тебя до конца времен как зайца, до края мира и за краем, Альберт Фреймус. Я не оставлю тебя никогда, где бы ты ни прятался. Ты мой, ты добыча Дикой Охоты!

Прожекторы вспыхнули, вытеснив тьму, сверкающая дуга побледнела, она таяла, туман растворялся в темном воздухе, и тени исчезли.

Конь встал на дыбы, всадник взмахнул клинком, слепцы взвыли и тут же замолкли, повалившись на камни.

За спиной Господина Дикой Охоты поднялись шесть теней, закружились в хороводе и исчезли. Но всадник все цеплялся за существование в этом мире, упрямо не желая уходить. Черный клинок указывал на Фреймуса, тянулся к нему, но игла алого огня перечеркнула фигуру, и всадник исчез.

Адонис погасил пламя, натянул перчатки и прыгнул в лодку.

– Господин! – быстрыми гребками он погнал лодку к острову. – Господин, вы целы?

Фреймус не отвечал, он смотрел на пустоту, где только что был Хозяин Дикой Охоты.

Колдун был готов поклясться, что в последний миг, перед тем как исчезнуть, вспышка философского камня высветила черты лица под шлемом. И он узнал это лицо – лицо его заклятого врага. Марко Франчелли.

Глава седьмая

Она искала его всюду. Она обошла Дорогу Снов как девочка из сказки, были бы железные башмаки – истоптала бы, был бы железный хлеб – изгрызла. Марко, Марко, дедушка, где же ты? Нет даже эха на Дороге Снов, только черная мгла клубится над курганами Венсброу, смерч, проникающий все слои Дороги, и к нему не подойти – таким ужасом оттуда веет, холодом разверстой могилы, которая приготовлена для нее. Даже с Ласом не прорваться, даже с Арветом, которого она разыскала в этом его глупом лесу, где он гоняет диббуков.

Их отшвыривает прочь как щепки.

– Тебя не хотят пускать, – сказал Арвет, когда они безуспешно пытались прорваться в последний раз. Они отступили прочь, встали на Дороге Снов, в плотных ее слоях, повторяющих очертания Внешних земель. Какой-то холм с зеленой травкой, городок вдаль. И хобот смерча, обманчиво медленно вращающийся на горизонте, над раскопками Венсброу.

Здесь было спокойно, но стоит только подняться выше – и ветер сбивает тебя с пути. Ветер воеет на всех путях Дороги Снов, ветер несет стаи бездомных духов, которым нет места ни в Скрытых землях, ни во Внешних. У этого ветра странная природа и своевольный характер, Дженни была готова поклясться, что он очень похож на дыхание. Слово какое-то существо, огромное любого дракона, просыпается и выдыхает. Дженни никогда не слышала о подобных созданиях – кто способен вносить такие возмущения в Дорогу Снов, кому такое по силам?

– Я пробился глубже, мы с Зарницей нырнули во внешние слои смерча. Там Охота, Джен, они скачут по кругу – бесконечно, сотни, тысячи теней на призрачных лошадях, белые псы бегут с ними, и черный всадник возглавляет их.

– Гвин ап Нудд, – вытолкнула Дженни. Как она ненавидела это имя – оно бьется в зубы, будто во рту ворочается отвратительное насекомое.

– Господин Охоты, – сказал Арвет. – Он скачет впереди, но не ты его цель, я не услышал этого. Странно, Охота должна была бы рваться к тебе, как только ты приблизишься, а они отталкивают... – Он помолчал. – Если это только тень Дикой Охоты, которую она отбрасывает на Дорогу Снов, что же творится сейчас в Скрытых землях?

– Не знаю, ничего не знаю, – подскочила Дженни. Она не могла сидеть, не могла бездействовать.

Арвет обнял ее, она откинулась назад, опираясь на его плечо. Теплое дыхание Арвета запуталось в волосах, по шее потекли мурашки.

– Когда ты вернешься, Арви? – жалобно спросила она. – Я спать не могу. Как глаза закрою – снится лагерь, снятся ребята... Что с ними сотворил Фреймус!

Арвет тихо поцеловал ее в затылок:

– Я скоро буду. Я иду по следу, они хитры, эти твари, они прячутся в любом живом существе. Весь лес как ловушка, они следят за каждым моим шагом. Но я поймаю Клементину, и тогда уж берегись!

Он обнял ее, поднял в воздух.

– Хватит, Арви!

Он поставил ее, развернул. Глаза у него были серьезные, сосредоточенные, словно он строил внутри длинную фразу на плохо знакомом ему языке.

Лас ловил кузнечиков, Зарница деликатно отвернулся, щипал траву.

«Бывают сны, когда не хочешь просыпаться. Этот из таких».

Прохладный ветер овеивает ее, мягкая земля осыпается под ногами, солнце выглядывает из-за быстрых туч, шуршит и вздыхает трава. Жужжит жук. На горизонте тяжело вращается черноглавый хобот колоссального смерча.

Арвет совсем близко, тихо касается губами ее щеки, затем ее губ – и тут же отстраняется. Он так близко, что трудно сосредоточить взгляд. Она закрывает глаза.

– Дженни...

Губы у него мягкие, он пахнет снегом и малиной. Почему малиной?

Он отступил, Дженни еще чувствовала его запах, след его родного дыхания, но что-то переменялось.

Она открыла глаза. Арвет седлал Зарницу.

– Арви, ты куда? До рассвета еще столько времени.

– Они рядом, Джен, – Арвет сел на оленя. – Я же сплю, здесь солнце, а там ночь. Я в палатке сейчас, вокруг тает снег, падает с веток. Так не хочется уходить в этот темный лес.

Дженни покусала губы, кивнула:

– Иди и поймай уже эту дрянью бестелесную. Все эти свидания на Дороге – отличная штука, но мне эта виртуальная реальность уже надоела. Хочется тебя обнять, Арвет Андерсен.

– Обязательно обнимешь, – пообещал Арвет. – Хоп, Зарница, хоп!

Солнечный олень прыгнул с места, оттолкнулся от воздуха и через мгновение уже мчался под облаками. Вот он толкнулся еще выше, блеснул яркой звездочкой и исчез.

– *А меня можно просто накормить вырезкой,* – заметил Лас.

– Бесчувственный ты зверь, Лас!

– *У меня полно чувств,* – оскорбился фосс.

– И каких же?

– *Чувство голода, чувство холода и еще жажда. Вполне хватает.*

– Кто о чем, а Лас о мясе, – Дженни обхватила его шею, зарылась в блестящую, жесткую коричневую шерсть. От зверя остро пахло, но ей нравился этот запах – это был запах радости, запах дружбы, запах детства.

– Где же Марко, Лас, почему он меня оставил?

– *Может быть, потому, что слишком любил? Не знаю я, хозяйка, – я только глупый зверь, в двуногих не разбираюсь. Вас никто не поймет, а меньше всех – вы сами.*

– Все! – Дженни решительно запрыгнула ему на спину, вцепилась в уши. – Возвращаемся, зверюга, спать. Завтра первый день Собора. Опять придут эти ларцы с дарами, глаза бы мои их не видели.

Уже просыпаясь, она вдруг поняла, что совсем забыла о Калебе. А ведь он мог знать о Марко...

«Надо его найти, – решила Дженни. – Может, послать бабочку-напоминалку? Но долетит ли она, если на Дороге Снов сейчас творится такое?»

Они летели над Бретанью, уже сверкало озеро Герледан, на зеленом берегу распускались цветы цирковых шатров, меж которых затерялся их фургончик, еще миг – и они вернутся в свои тела...

Дженни разжала руку, яркая, как солнечный зайчик, бабочка сорвалась с ладони.

«*Я выполнила свою часть уговора, Калек. Мы готовы освободить тебя. Иди за бабочкой, и она приведет тебя ко мне...*»

Глава восьмая

Утро, март, волнение на Северном море – что может быть хуже? Еще туман – плотный, как пивная пена. Шеф безопасности Эмилио Санчес хмуро наблюдал, как прибой качает у причала моторные лодки. С моря набегал ветер, подлый, как удар в уличной драке в трущобах Карракаса. Он кружил возле скал Сэдстоуна, забегал и бил с той стороны, откуда не ждешь. Как ни крутился Эмилио, зажигалка гасла на ветру, а сигарета напитывалась соленой сыростью.

Ветер да туман. Что за страна, какой бес ее выдумал?

Колумбиец выбросил сигарету к чертям морским, повернулся всем телом к хозяину:

– Простите, мистер Фреймус, я не до конца понял: каких именно гостей мы ждем?

Колдун ответил не сразу. Он стоял неподвижно, в длинном сером дождевике, широкополой шляпе. Гарри Торнфельд держал зонт над его головой. Рядом стояла очень красивая молодая китайка в прозрачной накидке, сквозь которую просматривалось алое, с золотыми драконами платье традиционного покроя.

«И не холодно ей? – покосился Эмилио. – Любовница? У хозяина?»

Среди слуг и подчиненных Альберта Фреймуса ходило много слухов о хозяине, один другого чернее, однако единственный грех, в каком его никогда не подозревали, – это сладострастие. Фреймус был так же далек от плотских утех, как Сириус от Земли.

А вот Эмилио – нет, совсем не далек. Он с удовольствием поглядывал на ее гибкое тело, маленькие руки в алых, по локоть, перчатках, на смоляные волосы, уложенные в аккуратную прическу. Санчес был не чужд экзотики – помнится, как-то раз в Макао...

Девушка слегка повернула голову, встретилась с ним глазами. Эмилио как ошпарило – она смотрела на него, как он обычно разглядывал вкусную сигару перед тем, как обезглавить ее карманной гильотинкой: с легким интересом, переходящим в предвкушение, но не более. Так не смотрят молоденькие девушки на видных, в самом расцвете сил латиноамериканских мужчин.

– Мистер Фреймус...

Гарри Торнфельд слегка усмехнулся, и это вывело Санчеса из себя. Этот дурак Торнфельд проглядел диверсию на своем объекте, за что Фреймус разжаловал его в телохранители! Ходили, впрочем, слухи, что к диверсии в раскопках Венсброу приложил руку Калед Линдон, побег которого именно он, Эмилио Санчес, проворонил. Колумбиец старался не думать о том, какие могут быть последствия, если слухи окажутся правдивыми. У него почти получалось, особенно если налечь на текилу.

– Мы ждем гостей, мистер Санчес, – наконец отозвался колдун. – Особенных гостей. Англия таких гостей не видела очень давно.

Эмилио ничего не понял, но на всякий случай связался с постами охраны. Кому Марди Гра¹, а кому работа. Если даже хозяину эти гости кажутся особенными, одна Дева Мария знает, чего ждать ему, Эмилио. Но она же не подскажет, сколько бы он ни молился и ни жертвовал на нужды католической школы своего квартала.

Переключка закончилась, когда из белого марева, повисшего над морем метрах в ста от берега, проявился темный контур лодки.

Эмилио чуть не прикусил антенну рации – таких лодок он никогда не видел. Древнее корыто с изъеденными, дырявыми бортами удивительно резво рассекало высокую волну. Ни шума двигателя, ни парусов – ничего. Просто большая дырявая лодка, какой место в музее,

¹ Марди Гра (фр. Mardi gras) – буквально – «жирный вторник». Последний день карнавала перед началом католического Великого поста. (примеч. ред.)

а не у причала острова Сэдстоун. На носу была насажена деревянная голова, оплывшая, сглаженная водой и ветром, почти забывшая очертания, какие придал ей неведомый резчик. С трудом угадывались глаза, беззубая пасть хватала сырой воздух, но не могла его удержать.

В лодке стояли двое, мужчина и женщина в черных рыбацких дождевиках, еще один человек скорчился у руля.

Деревянный борт ударился о бетонный край причала. Санчес подхватил брошенный конец и неумело намотал его на причальную тумбу.

«Нашли мальчика на побегушках! – разозлился Эмилио. – Через мои руки миллионы долларов проходили, а я тут канаты накручиваю!»

Первой на причал ступила женщина.

– Маргарет, – сказал Альберт, одобрительно глядя на нее – так радуется хозяин, когда загулявший пес вдруг выскакивает из кустов, – наконец ты снова с нами, дорогая. Жаль твоих собратьев...

– Они были дураками, раз погибли, – хрипло прокаркала женщина. Она прошла мимо Эмилио, и тот пригнулся к тумбе, судорожно наматывая, разматывая и снова наматывая канат. Мертвый холод шел от гостыи, с каждым ее шагом двигались смерть и темнота, чернее ее глянцевого сверкающего дождевика.

Он поднял глаза на второго гостя и с трудом удержался на краю причала. Хрупкий, как фарфоровая кукла, закутанный по самые глаза, полоска лба сверкает гипсовой белизной, алые волосы выбиваются из-под капюшона, обрамляют его черный край завитками пламени. И глаза – зеленой летней листвы.

Мужчина? Женщина? Да человек ли это вообще?!

Гость склонил голову и что-то пропел на неизвестном языке – тягучий, мелодичный, он взрывался неожиданными прищелкиваниями и стуками. Язык птиц, язык воды и ветра. Но не людей.

– Аодх из рода Луга, командир Белого Копья, желает тебе жизни и приумножения знаний, которые ты так ценишь, – сказала Маргарет.

– Я счастлив встретиться с теми, кто властвовал на этой земле до нас, – ответил Альберт Фреймус, и Эмилио распознал по голосу, что он не лжет. Глава Западного ковена был действительно рад.

Искренняя радость хозяина по-настоящему напугала колумбийца.

Глава девятая

Великий Магистр Темной Ложи Иоганн Мейснер был вне себя. В Дубовом кабинете, обычном месте собраний Ложи, стоял тревожный шум. Члены Ложи, adeпты высшего ранга, входившие в совет Ложи, собрались сегодня за сверкающим столом из обсидиана, чтобы обсудить единственную проблему. Альберт Фреймус.

Иоганн Мейснер откинулся на высокую спинку тяжелого резного стула, прикрыл глаза.

Он уже успел выслушать на редкость взволнованный, но, к сожалению, не слишком информативный доклад главы Скандинавского ковена Августа Сведенборга. Корпорация «Троллькарл индастриз», ведущий производитель оружия и спецтехники для нужд темников, в течение дня была полностью взята под контроль неизвестными лицами.

Одновременно рухнули все мировые биржи, аналитики заявили, что, возможно, это была хакерская атака, но точно все будет известно после расследования. Хотя какие расследования, если и так все как на ладони. В течение двадцати минут после обвала бирж контрольный пакет корпорации был выкуплен малозначительной брокерской конторой. Через цепочку из нескольких подставных лиц она принадлежала «Фреймус корпорейшн». Заодно Фреймус приобрел по дешевке активы еще нескольких десятков стратегически важных объектов, принадлежавших самым знатным и богатым семьям темников.

В этот же день резко упал рынок ценных металлов – кто-то выбросил на него полтысячи тонн сверхчистого золота и редкоземельных металлов. Фактически сейчас золото стоит дешевле железа. А тут еще исламские фундаменталисты устроили атаку на нефтяные промыслы Саудовской Аравии. Волна паники накрыла весь финансовый мир. Не одно правительство упадет к концу недели. Очень скоро глобальный кризис накроет всю планету.

Но Мейснера не волновали человеческие законы, финансовое законодательство и международные договоренности. Гораздо важнее, что вооруженные отряды Фреймуса захватывали их заводы и предприятия. Он нарушал не только законы людей, но и давно установленные правила темников.

Судя по сообщениям, в захватах активов активно участвует Дикая Гильдия. Собирается монстров, убогое наследие Якоба Келлера! Давно пора было разогнать этот блохастый орден, но он был так удобен для скрытых операций.

«Чего хочет Фреймус? – магистр потер виски. – Где я промахнулся? Надо было давно ввести его в совет Ложи, он был бы под присмотром. Поздно...»

Шум долетал волнами, как из переполюсованного улья. Затишье, и новый взрыв возмущенного жужжания.

«Да как он смеет...»

«Этого нельзя оставлять безнаказанным...»

«А вы слышали...»

«Пятьдесят детей... лучшие фамилии...»

«Пора положить конец его бесчинствам!»

Круг Темной Ложи распался. Пять адептов из двадцати одного не явились на экстренное собрание. Петр Зорич, Антуан Фламмель, Чжан Вонг, Стефан Мазурски и Хосе Дуэндэ.

«Значит, он переманил на свою сторону уже пятерых...»

– Монсеньор, – опираясь на резные ручки в форме оскаленных драконьих голов, над столом поднялся Густав Крайник, глава Чешского ковена. Стар был Крайник, покачивался как тростник от ветра времени, но стоял, оглаживая длинную седую бороду.

Величайший практикующий алхимик из живущих, за исключением Альберта Фреймуса, как говорили злые языки.

– Я хорошо знаю Альберта, мессеры. Как вам известно, он учился в моих химероварнях три года. Очень, очень способный молодой человек...

– Этот способный молодой человек объявил нам войну! – взвизгнул Карл Брандт, налегая объемным животом на край стола. Он потерянно озирался и поминутно утирал полное дрожащее лицо платком. – Он украл наших детей! Мой Хенниг... – Голос его сорвался.

– Мы все сочувствуем вашему горю, мессир Брандт, – мягко, с легким сочувствием, но не более сказал Омар аль-Бейруни, глава Магрибского ковена. – Но пока нет достоверных данных, что случилось с детьми.

– Их нет! – еще более жалко взвизгнул Брандт. – У Хеннига был датчик жизнеобеспечения, мы постоянно удаленно следили за его здоровьем. Трансляция показателей оборвалась месяц назад!

– Как я и говорил, я хорошо знаю Альберта, – вклинился Густав Крайник. – Он весьма одарен. И потому я рекомендую высокому собранию принять самые решительные меры. Немедленно.

«Рудники саламандр в Сьерра-Леоне, Конго и на Шпицбергене. Лаборатория по производству алкагеста в Абруццо. Химероварни в Гуанчжоу, фабрика *кукол* в Мумбае, – великий магистр смотрел на карту мира, раскинувшуюся на всю стену поверх резных дубовых панелей. – За двое суток Фреймус взял под контроль треть наших важнейших активов. А эти големы толкут воду в ступе...»

Ложа зашумела.

– И какие же меры вы предлагаете? – уточнил Август Сведенборг.

Густав Крайник ответил ему пристальным, неожиданно сильным взглядом:

– Ad patres², так сказать. Как можно скорее.

Великий магистр открыл глаза. Хоть один из них понимает все верно.

– Густав, вы серьезно? – опешил Сведенборг.

– А что вас смущает? – ухмыльнулся Аль-Бейруни. – Как будто ваша тетушка умерла своей смертью, прежде чем оставить вам наследство.

– Я прошу не касаться моей семьи, – ледяным тоном отрезал глава Скандинавского ковена. – Иначе мы можем углубиться в генеалогию вашей фамилии и обсудить сомнительное право рода Аль-Бейруни на главенство в Магрибском ковене. Ваш прадед ведь, кажется, был внебрачным сыном?

Даже сквозь смуглую кожу было видно, как Омар побагровел.

– Довольно! – великий магистр поднялся. – Выношу предложение мессира Крайника на голосование.

Тревожный ропот разлетелся по собранию. Устранение главы ковена дело нешуточное, тем более по решению Темной Ложи. Имена подписавших смертный приговор Фреймусу войдут в хроники, а темники всегда предпочитали обустраивать такого рода дела без документальных свидетельств.

Магистр подошел к окну. Особняк, в котором проходили заседания Ложи, располагался на одной из тихих улочек Вены, в исторической части города, рядом с набережной. Магистр посмотрел на изгиб мостовой, блестящей после дождя, на серую гущу сада, выходящего к Дунаю.

Из окон третьего этажа было видно всю охраняемую территорию перед домом. Бойцы из личной гвардии Мейсснера, его «Золотая сотня», в защитных светло-серых костюмах с золотой искрой казались героями саги о звездных войнах. В соседних зданиях на оборудованных позициях расположились снайперы. Магистр на собственную безопасность не ску-

² «К праотцам», то есть на тот свет (*лат.*).

пился, тем более сейчас, когда он уже предпринял некоторые действия в отношении Фреймуса.

К воротам подъехал мотоциклист в глухом шлеме, затянутый в черно-красный кожаный костюм. Он продемонстрировал пропуск охраннику, и...

Магистр подался к окну. В руке мотоциклиста покачивался кулон, не разобрать деталей, но Мейснер почти не сомневался, что это медальон из темной яшмы. Этот медальон передавался из поколения в поколение семьи Заришей, которая уже четыреста лет выполняла самые щекотливые поручения для Мейснеров.

Под мышкой мотоциклист держал коробку. Охранник просветил ее сканером, но ничего подозрительного не обнаружил.

Великий магистр проследил путь гостя до входа. Скоро он поднимется на третий этаж.

«Старик Зариш все еще на высоте, – подумал он. – Я отдал приказ всего четыре дня назад, еще до начала биржевой атаки на наши активы. Сразу после первого отчета из «Утренней звезды». Интересно, кого же Зариш послал? Внучку? Или сыновей?»

– Мессеры, – сказал он звучно, привлекая внимание. – Мессир Крайник абсолютно прав. Как великий магистр Темной Ложи я взял на себя смелость и самолично распорядился урегулировать вопрос с мистером Фреймусом.

– Что значит «распорядился»? Что значит «самолично»? – подскочил Брандт. – Без одобрения Ложи?!

– Это немыслимо, Мейснер, что вы себе позволяете?!

– Так это вы спровоцировали его?!

Тяжелые двери открылись. На пороге стоял мотоциклист – он по-прежнему не снимал шлема, и Мейснер отметил эту разумную предосторожность. Ни к чему адептам знать, как выглядит один из его личных убийц.

Мотоциклист легкими шагами простучал по отполированному паркету, поставил коробку на стол – перед магистром. В руке его был зажат медальон семьи Заришей. В форме льва, вставшего на дыбы, с мечом в лапе. Герб рода Мейснеров.

– Мессеры! – громко сказал магистр. – Наши проблемы решены. Альберт Фреймус более не будет досаждать *темным* фамилиям.

Он коснулся коробки. Та вздрогнула, раскрылась, как переспевший плод, словно ожидала одного его прикосновения. Магистр отшатнулся.

На столе перед ним лежали отрубленные кисти рук – морщинистые ухватистые старика Зариша, мощные с рыжими волосами лапы его сыновей, даже изящные кисти его внучки, юной Заремы.

– Мой господин просил передать это вам, – голос из-под шлема звучал глухо, но можно было понять, что обладатель его молод. – Кажется, это ваше.

– Как это понимать?! – адепты вскочили, не в силах оторвать глаз от страшной посылки.

– Кто вы такой? – спросил магистр, нажимая кнопку вызова охраны. Фреймус его переиграл – но как? Зариши были лучшими в своем деле!

– Мы дети «Утренней звезды», – мотоциклист поднял шлем и посмотрел на Иоганна Мейснера сверкающими темными глазами. – Мы миньоны Альберта Фреймуса, повелителя всех адептов Темного искусства.

– Вот как, – магистр из последних сил сохранял спокойствие, несмотря на окровавленные обрубки под носом и истерические вопли адептов. Где охрана, черт возьми?!

– Кто объявил его нашим повелителем? И по какому праву?

Миньон посмотрел насмешливо.

– Права не дают, их берут, мессир, – усмехнулся он. – Разве это не главный принцип адептов? – Он обвел глазами притихший зал. – Подумайте, мессеры, какую сторону занять,

и думайте быстрее – иначе скоро будет поздно. Уже завтра мой повелитель будет держать в руках весь мир.

Он повернулся к выходу.

– Стоять! – завизжал Карл Брандт, бестолково размахивая короткоствольным револьвером. – Что вы сделали с моим мальчиком?! С моим Хеннигом?! Где он, отвечайте!

Какая-то тень промелькнула в глазах миньона. Жалость? Печаль? Воспоминания?

– Хенниг был слишком слаб, он не прошел нигредо. Жаль, он был бы хорошим товарищем.

– Тебе... жаль?! – Брандт задыхался, потное лицо его покраснело.

– Карл... – предостерегающе произнес магистр.

Грянул выстрел, пуля ударила высоко над головой миньона. Брандт прицелился вновь...

Посланец Фреймуса сдернул перчатку – волна незримого жара прокатилась по залу, великий магистр уловил ее как дымное марево, которое сгустилось над Брандтом. Тот завopil, выронил револьвер, рухнул на стул, сжимая обожженную руку. От паркета поднимался дым. Комок раскаленного металла, бывший прежде револьвером, прожигал пол. Один за другим дробно ударили выстрелы – это рвались патроны в барабане револьвера, пули продырявили резные панели над головой Мейснера, одна просвистела над самым ухом.

Магистр судорожно давил на кнопку.

– Они не придут, – сказал миньон. – Ваши люди мертвы, мессир Мейснер. Сожалею.

Иоганн бросился к окну. Бойцы «Золотой сотни» лежали на земле там, где их застала смерть. Никто из них не успел схватиться за оружие, стеклопластиковые латы, последняя разработка «Троллькарл индастриз», бессмысленно блестели на солнце, выглянувшем из-за туч.

Ноги охранника в форменных брюках торчали из будки, в распахнутые ворота один за другим заезжали черные фургоны.

Миньон надел перчатку – в глаза Мейснеру бросилась плотная ярко-красная кожа запястья.

Снял шлем, пригладил черные волосы.

– Это же младший Фламмель, – пробормотал Август Сведенборг. – Эжен...

– Здравствуйте, дядя Август. Господин приносит извинения, но ваша корпорация необходима для осуществления его планов.

– Его планов? – переспросил Август. – И какие у него... планы?

– Для начала – установление открытой власти адептов на всей планете, – сказал Эжен. – Да вы не нервничайте так, дядя Август, людям понравится. Они любят, когда ими управляют, говорят, что делать и что думать. Разве не этим всегда занимались адепты? Пришло время выйти из тени.

– Это невозможно... – слабо возразил Сведенборг. – Мы встроены в мировую финансовую систему... За столетия создана сложнейшая система управления и взаимодействия адептов и мировых правительств. Мир слишком сложен для прямой тирании темников, сейчас не Средние века. Как Фреймус не понимает – все уже устроено наилучшим образом... Если симплы узнают о нашем существовании, начнется война.

Эжен скривил губы, слушая отдаленный топот по лестницам. Люди Фреймуса деловито занимали особняк.

Великий магистр отошел от окна и прислонился к стене, к резному горельефу. Мировой змей, Уроборос, пожирающий собственный хвост. Магистр погладил выпуклый глаз змея с высверленной точкой зрачка.

«Все кончается, и все начнется вновь, рождение и смерть, созидание и разрушение, начало и конец – все слито воедино, все есть единство, и имя ему Уроборос».

– Вы прогнали, мессеры, – Эжен обвел собрание блестящими глазами. – Вы стали как симплы, ничем от них не отличаетесь: деньги и жалкая власть над людьми – вот все, что вам нужно. Как это мерзко, как это мелко...

– А что нужно твоему господину? – спросил Густав Крайник. – После захвата власти над планетой? Что потом?

– Господин хочет держать мир как яблоко в руке. Но и это лишь начало, все ваши заводы, лаборатории, фабрики, счета в банках – все это только строительный материал для нового мира. Мой господин уничтожит Врата Фейри. Он вернет нам подлинную силу Темного искусства, ту силу, которой мы обладали до Катастрофы!

В дверях встали бойцы в черном, на рукавах их горело багровое око. Охранная фирма «Балор», личная гвардия Фреймуса. Эжен сорвал перчатки, в алых ладонях его вспыхнуло пламя, и он торжествующе закончил:

– Мы заря нового мира, мы дети «Утренней звезды». Идите с нами или умрите.

Иоганн Мейснер вдавил пальцем глаз змея, резная панель провернулась. Он прыгнул в открывшийся лаз, как мышь, спасающаяся от кота. Старая, очень старая уловка, про которую в век высоких технологий все позабыли. Этот тайный ход не был отмечен ни на одной схеме. Его семья построила этот особняк, и только он знал все его секреты. Панель отсекала звуки, он слышал лишь глухие удары. Иоганн пролетел по винтовой лестнице вниз и был уже у входа в подземный туннель, когда наверху раздался взрыв. Следом по железным ступеням застучали ботинки, и великий магистр нырнул в туннель.

Спустя десять минут моторная лодка уже резала холодную волну Дуная, унося его прочь из Вены.

Глава десятая

Аурин Штигель, Старший брат Стаи и командир отряда Дикой Гильдии, еще раз прошел вдоль колонны тяжелых автофургонов. Все было готово к отправке, бойцы погрузили оборудование и оружие. Все необходимые документы были оформлены.

Охрана лагеря «Утренняя звезда» оставалась на совести сотрудников охранной фирмы «Балор», чему Аурин, признаться, был рад. Нарушители изрядно помотали ему нервы. Он так и не выяснил, что за создание атаквало перевертышей в лесу, но мало ли монстров на свете? Наверняка какое-то из заблудших творений темников. Оно исчезло, и хвала Отцу Келлеру. Больше Аурина раздражало, что он так и не поймал ту девчонку. Три недели Лазутчик из Магуса водил его и всех его бойцов за нос и в итоге ушел! Если бы Аурин был главой контрразведки темников, то считал бы это полным провалом.

В кармане загудел смартфон. Аурин приложил большой палец, аппарат считал его гемокод и высветил эмблему Дикой Гильдии – волчью лапу в круге. Эмблема горела красным.

Звонок из штаб-квартиры Гильдии.

– Аурин Штигель.

– Доброй охоты, брат Аурин.

Этот голос – слабый, но упрямый, в нем было что-то, что не поддавалось времени.

Командир невольно выпрямился:

– Большой брат...

– Есть работа, Аурин.

Аурин задумался.

Большой брат Фурий. Глава Стаи после ухода Отца Келлера. Первый среди равных, самый старший из всех детей Келлера. По правилам Гильдии отряд, закончивший контракт, получает месячный отпуск. Если Фурий обращается к нему сейчас, значит, причина веская.

– Кто заказчик?

– Один из наших последних клиентов, очень щедрый.

– Опять Фреймус? – Аурин поморщился.

– Двойная оплата первого класса, брат. Для всех отрядов Гильдии в Европе.

Аурин неслышно присвистнул. Фреймус сорит деньгами. Впрочем, имея философский камень, золото ценишь не выше грязи. Если так пойдет дальше, придется брать с него оплату алмазами.

– И что теперь? Охрана? Конвой? Для чего ему столько бойцов Гильдии?

– Работа по твоему настоящему профилю. Война, Аурин. Без всех этих правил и ограничений, которыми нас связали темники. Настоящая война, для которой нас создавал Отец.

Аурин Штигель больше не колебался:

– Я отправляю раненых на лежбище в Альпах. Остальная колонна выдвигается прямо сейчас. Нам надо пополнить боезапас и обновить снаряжение.

– Машины сопровождения вас будут ждать в точке встречи.

– Экипировка?

– Тяжелое вооружение класса А.

– Точка назначения?

– Маршрут уже загружен в ваши навигаторы, брат.

– Кто наша цель?

Фурий еле слышно рассмеялся – так давно Аурин не слышал этого звука. В слабом старческом смехе звучало ликование и острая, звериная ярость:

– Магус, брат мой, Магус!

Аурин оскалился:

– Уже едем, большой брат.

Он запрыгнул в командирский джип в голове колонны и дал отмашку. Колонна взревела, машины заворочались, как просыпающиеся мастодонты, лениво повернули массивные колеса и, набирая скорость, покатали по горной дороге прочь из лагеря «Утренняя звезда».

Колонну замыкали машины снабжения, фургоны поменьше, доверху загруженные бронжилетами, спальными мешками, походным снаряжением, пайками, одеждой. Колонна выбралась из долины, перевалила через горло перевала и начала спуск по узкой лесной дороге.

...Замыкающий фургон обогнул скалу на очередном повороте, и водитель вздрогнул. Ему послышался глухой удар, словно на крышу фургона свалилось что-то тяжелое.

– Ты слышал?

Напарник выдернул наушники, непонимающе посмотрел. Водитель махнул рукой:

– А, толку от тебя...

Он притормозил, поглядел в зеркала, потом открыл дверь, высунулся...

– Тринадцатый, почему отстае? – ожила рация. – У нас график сбивается, еще до Франции переть сколько. Живо догоняйте.

– Тьфу ты! – плюнул водитель и захлопнул дверь.

– В кои-то веки по инструкции хочешь сделать, и что – начальство само мешает, – пожаловался он. Напарник кивал в такт неслышной музыке.

– И тебя еще подсунули, – с тоской сказал водитель. Завел двигатель и поехал.

Аккуратный вырез на крыше фургона был почти незаметен. Некто, обладавший очень острым и очень твердым инструментом, сделал в крыше фургона надрез в форме буквы «П», отогнул лепесток металла, проник внутрь и так же аккуратно загнул его обратно.

Теперь этот некто с комфортом расположился на гряде спальных и задумчиво жевал кровяную колбасу из походного пайка Дикой Гильдии.

– В целом неплохо, – заметило существо, бывшее когда-то Клаусом Хампельманом. – Но я бы добавил чеснока.

* * *

Он спал в зеленой долине трое суток – столько прошло времени по часам мобильного, но они показались ему одним часом. Он проснулся, но все еще был во сне.

Призрачное солнце стояло на том же месте в небе, и трава так же шелестела под теплым июньским ветром. Застыл в объятиях задержавшейся зимы лес Бросселианд, а в самом его сердце царило вечное лето.

Владычица долины, дама в зеленом, оказалась рядом, едва он проснулся. Волосы ее – цвета воронова крыла, а кожа слегка светилась, как бывает во сне. Она не назвала ему своего имени. Конечно, это была одна из *первых*, чудом задержавшихся в этих краях. Странно, что здесь, во Франции, они еще оставались.

Дева, так он назвал ее для себя. Арвет думал, что они сумели сохраниться только в тех уголках планеты, куда не могли добраться люди. Как ледники Йотунхемена, где скрывался Сморстаббрин, ледяной дракон. Как там Бьорн? Отпустил ли его этот старый ворчун или по-прежнему держит при себе, как домашнего зверька? Зачем он ему, ведь Смор ненавидит людей?

Как давно он не вспоминал о нем. Бьорн был его другом, а он забыл его и последовал за ней. За Дженни. Арвет вздохнул – чуть заметно, но это не укрылось от глаз *первой*.

– Ты оставил что-то в прошлом?

– Кого-то. Многих.

– Жизнь людей похожа на реку, вы все время оставляете собственную жизнь позади. Все, что видели, знали, любили. Ваши реки пересекаются, порой текут рядом и расходятся прочь.

– А на что похожа жизнь *первых*?

Дева задумалась:

– На кристалл, цветущий на солнце, поющий в лунном свете. Мы меняемся с миром, но остаемся самими собой.

Арвет посмотрел на нее. Как она уцелела?

– Скрытые земли отделены от Внешних стеной радужного пламени Унгора – непроницаемым барьером для таких, как я, – сказала *первая*. – Я давно не видела родичей, только их песни плывут по Дороге Снов, неведомые смертным даже из рода Магуса, в них печаль и тоска, рыцарь. Что бы ты ни слышал о Скрытых землях, все это неправда. Человеческими словами не передать, что это за место, что за тени кричат там, требуя жизни и осуществления. Разве там есть такое солнце, такая вода и такое небо? Разве там есть весна и осень, зима и лето? Нет, там лишь вечный круговорот образов, зыбких отражений этого мира, там нет ничего устойчивого, ничего, что могло бы дать нам силу. Суровой была кара твоего рода, рыцарь, на тяжкую долю вы обрекли тех, кто владел этой землей до вас.

– А что здесь? – спросил Арвет. – Почему этот лес хранит прежнюю силу?

– Потому что здесь Спящий, – сказала Дева. – Двое спят в этом мире. Король в хрустальной горе и мудрец под черным дубом. Король спит на Авалоне, а мудрец здесь. И им суждено скоро проснуться.

Король в хрустальной гробнице... Арвет вздрогнул. Он видел эту гробницу, он был там с Дженни, а потом... Что же случилось потом? Память полна странных видений – люди в древних доспехах, черные ладьи, плывущие по дымящемуся туманом озеру, сталь и огонь, кровь и зеленые травы... Это не его воспоминания – так почему же он чувствует, будто сам стоял когда-то на седых от росы равнинах перед лицом набегающей конницы?

А рядом с ним стоял с посохом в руке его друг с глазами цвета травы.

И еще печаль помнил Арвет, огромную и светлую, как воды Сайво-озера, которая наполняла его в той неведомой жизни.

– Имя ему Мирддин, и он величайший из Властных Магуса, – продолжала Дева. – Он дремлет, и сон его объемлет весь Бросселианд, в тени его сна мы нашли приют. Этот лес был пристанищем *первых* очень давно, но без сил Мирддина мы бы не удержались. Такова его сила, что он может сопротивляться даже воле Договора, разделившего мир.

Сны и мечты могут многое, Арвет знал это лучше остальных.

Мари Флери, девочка, мечтавшая о сказочной стране, игрушка в руках диббуков, едва не сотворила мощнейший прорыв недалеко от Бросселианда. А теперь оказывается, что в лесу спит древний Властный. Случайность ли это?

– Века сон Мирддина охранял нас, – сказала Дева. – Но теперь бестелесные вторглись в его пределы, а по их следу пришел ты. Мир снова меняется. Может быть, это к лучшему – я устала от одиночества, рыцарь. Я, *первая*, признаюсь смертному в этом... – Дева слабо улыбнулась.

– Мне надо идти, – сказал Арвет. – Я должен поймать хозяйку диббуков, она еще здесь, я чувствую.

– Они все здесь, – подтвердила Дева. – В Бросселианд легко зайти, но трудно выйти, если мы этого не захотим. Бестелесные в ловушке, они захватывают тела животных и птиц, но в этом нет большой беды. Гораздо хуже, что они овладели телом Мирддина.

Арвет опешил:

– Как?!

– Он все глубже уходит в сон, воля его ослабла. Сейчас те, кого ты называешь диббуками, владеют его силой. Если ты не поторопишься, от Бросселианда ничего не останется. А потом они пойдут дальше, с силой Мирддина диббуки смогут пробить такой пролом в радужном барьере, что оттуда хлынут орды их сородичей.

– А вы? Разве вы не можете их изгнать?

Дева печально покачала головой:

– Мы уже проиграли одну битву Магусу. Мне некого призвать под свой стяг, рыцарь, моя сила – лишь тень от прошлого могущества. Я не одолею Мирддина, даже спящего.

Арвет поднялся.

– Если кто-то и может остановить его, так это ты, рыцарь, – задумчиво сказала Дева. – Я дам тебе два дара. Один поможет подобраться ближе к Мирддину – сейчас все бестелесные стеклись к его телу, только вместе они могут удерживать его. Другой сможет отомкнуть его гробницу. Поспеш.

...Арвет двигался тихо, пробираясь мимо тяжело обвисших под тяжестью снега еловых ветвей. Ногу ставил осторожно, опасаясь раздавить и малую веточку, скрытую под толстым слоем слежавшегося снега. Рыхлая ноздреватая корка была схвачена утренним морозом, и Арвет каждый раз проламывал ее, морщась от хруста и шороха снега.

«Март же, – подумал он. – А снег не уходит. Такова сила Мирддина?»

Зима задержалась в Бросселианде, не хотела уходить – цеплялась за землю ледяными когтями, сковывала льдом ручьи, прорастала белыми кристаллами на ветвях. Лес был будто в сахарной глазури – разукрашенная игрушка спящего Властного.

«Я робкий зверь, крадущийся лесной тропой, я пятно от облака, я ветерок под деревьями. Нет меня ни для глаза звериного, ни для глаза птичьего...»

Он вышел к реке, к узенькому мосту. Лес тут расходился в стороны, открывая неровный овал небес.

Снежная пыль сыпалась сверху и не таяла на черных досках.

Юноша шагнул к мосту и остановился. На досках сидела белка. Серая с рыжиной, в обычной своей зимней шкурке, но из черных любопытных глаз на Арвета смотрел кто-то злой и древний.

– О таком теле ты мечтал? – спросил Арвет, вытягивая меч. Обнаженное полотно стали, каким можно резать туман на слои, перо стимфалиды, его трофей. В левой руке – *духов сосуд*, стеклянный шарик со снежинками внутри. Мир дрогнул, привычно *раздвоился*, когда на образ Внешних земель лег сверху образ Дороги Снов, ее плотных слоев. Над белкой взметнулся дымный столбик вихря, диббук вцепился в ее тельце и явно не собирался отпускать.

«Если не попаду с первого раза, придется стрелять из лука, – подумал Арвет. – Не самая сильная моя сторона...»

Он еще успел удивиться, почему диббук не убегает – в белищем теле это сделать легче легкого, – когда по лесу прокатился беззвучный толчок, как ударная волна невидимого взрыва. А следом он услышал шум. Шорох от множества лапок, звон облетающего с ветвей снега, хруст ломающихся веток... Лес ожил.

С деревьев навстречу ему текли десятки, сотни белок, на тот берег вылетел выводок лесных свиной и, не останавливаясь, бросился в речку, проламывая ледок. По обледенелым доскам один за другим простучали три красавца-олени, вот в кустах мелькнул рыжий хвост, и над мостом закружились ястребы, совы и летучие мыши.

– Вы меня не остановите, сами же знаете, – сказал Арвет. – Не губите зверей, ступайте в сосуд по-хорошему.

Олень прыгнул, метя рогами ему в грудь, – но Арвету ли не знать оленьих повадок? Он отскочил в сторону и ударил мечом – плашмя во Внешних землях и острием на Дороге Снов.

Не передать стон, с которым диббук расстается с захваченным телом, пронзенный дымный вихрь стекает с лезвия меча, тает в *духовом сосуде*. Олень, обретя свободу, дико зыркнул круглым от ужаса глазом и прыжком исчез в лесу.

– Скачи, длинноногий, и не попадайся этим тварям, – пожелал Арвет. – Сдавайтесь, бестелесные...

Второй толчок был сильнее первого, юноша покачнулся, наклонился. Странное чувство – будто в лицо бьет ветер, но ветра нет. Чья-то воля хлещет животных, и те повинуются.

Арвет схватил меч обеими руками, внутри шевельнулась жалость – он не сможет убедить всех зверей, кто-то обязательно погибнет.

Животные не нападали, они слеплялись в один кричащий ком плоти и шерсти, составлялись в невиданное многолапое, многоглавое существо, и вот перед Арветом встал великан: тело его – олени и вепри, руки его – барсуки и лисы, голова его – птичий хор, а пальцы увенчаны оскаленными беличьими пастями. Великан вырвал с корнями молодую березку и зашагал, нет – зашуршал по тропе к нему.

«Я сплю... нет, я уже на Дороге Снов, – понял Арвет. – Как же силен Мирддин, если он способен менять мир в пределах Бросселианда! Здесь как на Авалоне, нет границы между Внешними землями и Дорогой Снов, если возможно такое! А значит...»

Арвет сбросил рюкзак, выхватил бубен и едва успел уклониться – береза просвистела над головой.

Юноша ударил в бубен, подбросил в воздух:

– Хоп, Зарница, хоп!

Обод бубна налился белым светом, завертелся и вспыхнул, как второе солнце. Великан отшатнулся, рев его был страшен, потому что многоголос – писк белок, тьяканье лис, фырганье барсуков и оленье стоны, клекот ястребов и крики сов, все звери кричали разом, умоляя о пощаде и свободе.

Солнечный олень ударил копытами в воздух, подхватил Арвета на спину, и они закружились вокруг чудовищного создания Мирддина.

Хоп, Зарница, скачи над кустами, но ниже ветвей, лети, пусть закружатся сотни голов, пусть устанут сотни глаз, шерсть твоя сияет так, что больно смотреть, – так не смотрите...

Арвет качнул оленя, тот метнулся к спине великана и тут же отскочил обратно – изломанные корни березы пролетели совсем близко.

«Его нельзя застать врасплох, – понял Арвет. – Они все следят за мной...»

Чудовище распахнуло дрожащий провал пасти, и оттуда вылетели ястребы и совы. Птицы наполнили воздух криками, ударами крыльев, кинулись к Арвету со всех сторон.

Зарница ударил о воздух копытами, взлетел над деревьями, все выше, как серебряная звезда над белым лесом. Арвет сунул меч в ножны, сорвал лук со спины и одну за другой принялся всаживать стрелы в поднимающийся птичий вихрь. Костяные стрелы, детская игрушка, но на Дороге Снов они пробивали серые тела диббуков, и освобожденные птицы разлетались в стороны. Когда тул со стрелами почти опустел, стая изрядно поредела. Арвет бросил оленя вниз, в белую глазницу лесной проплешины, в которой ворочался монструозный глаз-великан. Ему навстречу полетели камни, обломки деревьев, но *светлое кольцо* отклоняло их. Простой фокус, который показала ему Германика, – удерживать в сознании чувство, что ты прозрачен, и все брошенное в тебя пролетит мимо. Самое сложное – верить, когда в лицо летит пуля или стокилограммовый булыжник.

– Давай! – крикнул Арвет, Зарница изменил траекторию, зигзагом скакнул в сторону, встал на мосту – напротив великана. Тот мгновенно провернулся вокруг своей оси, вывернул звериные морды в его сторону, а Арвету того и надо было. Последние три духовойные стрелы – одну за другой – он вогнал в двух оленей и самого крупного кабана. Тело чудовища

вздрагнуло, освобожденные животные с яростными воплями ринулись прочь, разрывая единое соборное тело великана, и он рассыпался на прежнее дробное множество.

Звери бежали, паника диббуков подхлестывала их страх, и через минуту возле моста не было никого. Только шерсть, кровь, перья и пух, изрытый серый снег, изломанные деревья, развороченная земля.

Арвет посмотрел на широкую просеку, какую оставили за собой диббуки – идти по такому следу мог бы и слепой. Ему туда, где из-за горизонта встает видимое только *ясному* *взору* дымное облако.

– Спящий мудрец Мирддин, – прошептал он. – Откуда я тебя знаю?

Глава одиннадцатая

– Что ж, Маргарет, я рад, что ты к нам вернулась, – сказал Фреймус, покачиваясь на складном стуле. Туата отказался входить в «Гнездо» – резиденцию Фреймуса, выдолбленную в скалистом основании острова. Что его смутило – бетон, системы безопасности, холодное железо в стенах?

Можно ли вообразить туата в офисном кресле, за проекционным столом, в строгом костюме, с планшетом в руках?

Нет, туата соприроден скалам, шуму моря и чайкам над шатром.

Пришлось разбить шатер. На складе нашлась военная палатка, люди Эмилио ее быстро установили на узкой прибрежной полосе, одним краем почти впритык к скалам, а другой захлестывали волны. Но туата это не волновало, Аодх сидел на стуле, выпрямив спину. Меч он положил на колени и держал руки на ножнах.

Пожалуй, это можно было бы счесть оскорбительным, но Фреймус решил не обращать внимания на такие мелочи. Ради выгодного союзника можно и не такое стерпеть. Удивительна фортуна, ее колесо вращается, то вознося тебя, то низвергая, победы и поражения следуют друг за другом, и одно порождает другое.

Он едва успел отправиться от столкновения с Господином Дикой Охоты, когда услышал зов Маргарет. Похоже, Талос был в отчаянном положении, раз решился освободить одержимую. С тех пор как сын Талоса Далфина, Роберт, принес колдуну Красную печать, которую род Далфин поклялся охранять до конца времен, Талос Далфин, старейшина Великого Совета Магусов и Судья Авалона, был у Фреймуса в руках.

Талос пойдет на все, чтобы сохранить свою позорную тайну. Пусть мечется, пусть совершает ошибки – все, что он сделает, пойдет лишь на пользу планам Альберта Фреймуса.

Подумать только, его собственный сын Роберт Далфин, наследник фамилии, сам принес реликвию Магуса, одну из семи печатей, которые запирали Врата Фейри! И из-за чего? Из-за женщины! Альберт никогда этого не понимал.

Эдну Паркер, наверное, можно было счесть красивой, и она была самой сильной из Дев Авалона, но она не стала Видящей. Она не оправдала надежд Гвина ап Нудда, она всего лишь пополнила его хоревод теней, присоединилась к Дикой Охоте, к вечной безвозвратной скачке.

Альберт качнулся на стуле, сложил длинные пальцы шалашиком.

Тысячелетия Гвин пытался разрушить Врата Фейри, но так и не смог. Значит, решил Господин Дикой Охоты, нужно найти еще одну Видящую и отыскать все печати.

Он искал Видящую очень давно, задолго до рождения Альберта, столетие за столетием. Раз в год, во время Самайна, Дикая Охота вырывалась из Скрытых земель, и призрачное воинство летело в небесах. Люди, наивные глупцы, думали, что это дьявол ищет заблудшие души. Дикая Охота увлекала несчастных, которые встречались на ее пути, как вихрь увлекает щепки, но ей была нужна всего лишь одна девушка из Магуса, Гвин забрал бы ее с собой, увлек в бешеной скачке, а потом разыскал бы печати – с помощью подходящего помощника из смертных. *Первые* умеют ждать, у Гвина ап Нудда была вся вечность впереди.

Но все Видящие, которых он находил, погибали в детстве, прежде чем Охота успевала забрать их, и приходилось снова и снова пускаться на поиски.

Один раз, сто лет назад, Гвин ап Нудд почти поймал удачу за хвост, Видящая не умерла, она проявилась. Более того, она обрела свой дар! Когда Гвин говорил об этом, речь его становилась непонятной, словно *первый* забывал значения слов. Видящая возникла, и ее свет был невыносим даже для Господина Дикой Охоты, она взошла на севере, во льдах, у края земли, воссияла как второе солнце, вспыхнула и исчезла.

Исчезла навсегда, в прошлом и будущем, для живых и для мертвых, во Внешних землях и на Дороге Снов. Всякое когда-либо жившее существо оставляет свой след на Дороге Снов, свою тень, отпечаток, отражение – таков непреложный закон этого мира, Альберт знал это, хоть сам и не был вхож на Дорогу Снов. Именно этим пользуются зверодушцы из Ловцов Магуса, когда охотятся на дух давно ушедших зверей, чтобы найти свой второй облик.

След всякой жизни втекает в Океан Вероятности, частью которого является Дорога Снов.

Кроме этой безымянной Видящей – она будто изъела себя из мира.

Гвин снова стал ждать и искать.

И вот все сошлось. Двадцать лет назад Альберт Фреймус изгнал тетушку Филомену из Фреймус-хауса и вступил в права наследования – Темная Ложа подтвердила, что их поединок прошел по всем правилам Темного искусства. Тетка едва осталась жива. Все-таки родственница, а родню убивать нехорошо.

Едва обрета отцовское наследство, Альберт поднял все записи и исследования отца – хвала Искусству, тетка не додумалась их выбросить. Нет, отец вовсе не был безумцем, растратившим состояние на никому не нужные эксперименты, как выражалась Филомена. Он был гением. И в шахтах Сьерра-Леоне он искал следы первоматерии, философского камня, изначального пламени, творившего лик этого мира. Известно, что саламандры есть ожившие духи огня, они первые из *первых*, еще не обретшие разум создания, которые родились в недрах юной Земли. В них наиболее отчетлив отпечаток первоматерии.

Отец искал ключ к непонятным даже для самых искушенных адептов трактатам Гермеса Трисмегиста, величайшего темника древности, жившего во времена Катастрофы, великого разделения мира на Внешние и Скрытые земли. Балтазар Фреймус был очень близок к разгадке тайны трактатов, когда погиб. Альберт прошел его путями, изучил все, что интересовало отца, и однажды он проник под курганы Венсброу.

Ему не нужны были могилы людских вождей, их драгоценности и награбленные трофеи. Там, в глубине, глубже корней самых старых курганов, лежали черные камни замка. Каэр Сиди! Каэр Сиди! Эхом гремели эти слова в его ушах, когда он впервые за тысячи лет взломал своды пещеры и ступил на древнюю мостовую твердыни Гвина.

Фреймус понял, что отыскал одно из тонких мест в радужном барьере, разделяющем миры. Он не знал, кто ответит ему с Той стороны, когда провел ритуал вызова. Альберт Фреймус знал лишь одно – если он не будет идти туда, куда боятся идти остальные, за границы тьмы, то его судьба будет столь же жалкой, как и судьба простых людей. Отец не боялся, не отступит и он. И там, в кромешной темноте Каэр Сиди, он встретил Гвина ап Нудда, владыку Аннуна, Господина Дикой Охоты.

Две неутолимые жажды встретились в Каэр Сиди: жажда владыки Аннуна, Гвина чернолицего, к свободе и жажда Фреймуса к знаниям, которые есть чистая власть.

С тех пор Альберт знал, что ему делать, шаг за шагом он поднимался по лестнице, ведущей в небеса, или спускался по ней в бездну. Для него не было разницы, кто дает ему силу.

Одну за другой он быстро собрал Печати Фейри (только Талос Далфин и Марко Франчелли берегли их как зеницу ока). Альберт выполнял все приказы Гвина, впитывал его наставления как губка и скоро превзошел всех адептов в мастерстве алхимии.

Он устроил охоту на Дев Авалона, он призвал Дикую Охоту на остров Рюген – в неуточное время, дорого ему это обошлось. За всякий призыв Дикой Охоты приходилось платить, и он платил чудовищными искажениями своего тела и духа. Его отвратительные зубы, за которые его прозвали Щелкунчиком, его искореженное тело, которое никто из слуг никогда не видел, его чувства, из которых год за годом исчезала жизнь. Альберт расставался с этими слишком человеческими чувствами без сожаления – любовь, жалость, сострадание

только мешают работе. Он желал сохранить лишь холодный разум – самый совершенный инструмент.

Возможно ли, что столь странным образом его настигала та самая *расплата*, родовая болезнь Магуса?

«Правда ли, что темники и люди Магуса родственны между собой?» – задумался на мгновение Альберт и тут же отбросил нелепую мысль. Правда это или нет, это знание бесполезно, оно никак не поможет ему в осуществлении планов. Он продолжил вспоминать, разматывать нить прошлого, глядя на безмолвного, как камни, туата. Аодх сделал хорошее предложение. Теперь пусть ждет, у *первых* много времени в запасе.

Итак, Дикая Охота настигла Эдну в Англии, во время переезда Магуса. Какое разочарование, что она не оказалась Видящей.

Но потом Роберт Далфин сам пришел к нему в Фреймус-хаус: и какая ирония – позже разрушенный его дочерью! Отчаяние сжигало Роберта, как торфяной пожар. Бард был готов на все, чтобы вернуть жену, и глупо было бы со стороны Фреймуса не воспользоваться этим шансом.

«Принеси мне Красную печать твоего отца, и я открою путь в Тартар, туда, где бродит Дикая Охота, унеся твою жену», – пообещал глава ковена и сдержал слово. Отдав печати, Роберт Далфин отправился под курганы Венсброу, в развалины Каэр Сиди, погребенные под земляной толщей.

Что случилось там, Фреймус не знал. Должно быть, Охота унесла его, как и прочих гупцов, пытавшихся тягаться с Господином Дикой Охоты.

Шаг за шагом Альберт воплощал замысел своего господина, а заодно и свой собственный. Их пути долго шли рядом, и порой казалось, что это один путь. Но Альберт не забывал об отце и о его мечте, ради которой он погиб.

Гвин хотел вырваться один, оставив прочих *первых* в печальных областях Скрытых земель, в тених существования. Фреймус должен был служить при нем привратником, отпиравшим и запиравшим Врата по повелению своего господина. И черпавшим по мере надобности в Скрытых землях силы и демонических помощников – с дозволения на то Гвина, разумеется.

Однако потом Альберт убедил его принести философский камень, осколок первоогня – в качестве оружия, которое сокрушит всех их врагов. Только Дикая Охота могла достичь тех отдаленных пределов Скрытых земель, где таилось это пламя. Некогда им владели фоморы, древнее племя, бродившее по планете в ее первые дни, когда большинства *первых* еще не существовало. Туата повергли их, и пламя первоматерии казалось угасшим навсегда. Господин Дикой Охоты знал, как опасен камень, он был величайшим оружием фоморов, это пламя не просто сжигало – оно меняло саму суть материи. С его помощью фоморы воздвигали свои подводные замки, стирали горы и пробивали русла рек, меняли очертания островов и с легкостью превращали одно живое существо в другое. Однако жажда свободы так давно сжигала Гвина, а Альберт так верно ему служил, что он даровал ему философский камень.

Альберт прикрыл глаза, сосредоточив внимание на огне, который бродил по венам и перекраивал его тело. Пустить процесс *преображения* на самотек значило просто сгореть, как свеча на ветру, – глупо, бессмысленно и очень быстро.

Теперь он никогда не спал, а дремал полулежа в кресле. В этой дреме горели огни его забытых чувств, его подносило то к одному костру, то к другому, и он окунался в злобу и ненависть прошедших лет.

Пламя камня воскрешало в нем чувства, о которых он давно забыл – вспыхивала детская обида, давно оставленная в прошлом, возвращались горе и печаль, отнятые Гвином. Но возвращалась и радость, возвращался смех. Все это кружилось и сгорало в багровом пламени сердца, но одну картину он удерживал в себе, не хотел с ней расставаться.

Ему пять, он играет на полу гостиной во Фреймус-хаусе – еще старом, не перестроенном в неприступную крепость. Отец подарил ему голема – черного рыцаря, он шагал с механическим жужжанием и падал, запутавшись в густом ворсе ковра. Вечернее солнце пробивалось сквозь цветные витражи узких окон, наполняло гостиную цветным дымом. Синие, желтые, красные, зеленые, фиолетовые пятна ложились на ковер, складываясь в размытые радужные очертания диковинной страны, по которой шагал черный рыцарь. Альберт шагал вместе с ним, золотой вечер наполнял его тишиной и покоем.

Жужжание голема, приоткрытая дверь отцовского кабинета, где видна его фигура, склонившаяся над столом, сияющие витражи – Фреймус не смог бы себе ответить, в чем ценность этого воспоминания, но держался за него.

Отец ушел, растворился в этой радуге, его не вернуть. А он сам... как долго он скитался по миру, как долго пил из разных источников, прежде чем встретил Господина Дикой Охоты.

Гвин ап Нудд был больше чем союзником, он был учителем – величайшим из всех, кого Альберт встречал на своем пути. А теперь Гвин больше не возглавляет Дикую Охоту, он смещен простым смертным. Отныне скачет Марко Франчелли во главе призрачного воинства.

Как человеку, пусть даже Властному Магуса, удалось одолеть владыку преисподней? Чем он заплатил за подобное? Отныне Господин Дикой Охоты – враг Альберта Фреймуса. И значит, должен быть повержен. Врата Фейри распахнутся, но вовсе не для того, чтобы выпустить Дикую Охоту.

«Уже поздно, Марко, уже поздно, меня не остановить...»

Трактаты Трисмегиста гласили: «Пусть адепт замкнет уста, пусть запечатает глаза и уши воском и удалится в уединенные пределы, где ничто и никто не посмеет потревожить его священный покой, благословенную тишину тигля его тела, в котором вызревает истинный облик камня».

Гермесу не удалось завершить *преображение*, его убили раньше завистливые невежественные собратья, возжелавшие его богатств и тайных знаний. Если бы Трисмегист сумел *преобразиться*, если бы он воплотил тот великий план, какой замыслил, – мир бы давно был иным.

Удалиться в пещеры на несколько месяцев Альберт не мог – слишком многие силы в этом мире он привел в движение, слишком многие захотели его гибели. Надо действовать на опережение, идти, как пожар в шахте, – во все стороны. Никто не спасется от его нападения, потому что он будет нападать отовсюду.

Поэтому Альберт давно не спал, он неустанно одолевал пламя камня, подчинял его своей воле, направляя его потоки в нужное русло, следуя плану *преображения*.

Однако изначальный ритуал Трисмегиста был неверен, преобразив себя, он хотел преобразить весь мир – то, что наверху, подобно тому, что внизу, часть равна целому, он намеревался стать пламенем, которое зажжет весь мир. Альберт перепроверил его расчеты и понял, что древний маг неточно рассчитал размеры планеты, да к тому же хотел провести ритуал в одиночку. По сути, это и привело его к гибели – Гермес Трисмегист был величайшим адептом, но он ввел в свою кровь такое огромное количество камня, что все силы ушли на его обуздание. Именно поэтому к нему смогли подобраться темники, жаждавшие его смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.